

УОЛТЕР ТЕВИС

ХОД КОРОЛЕВЫ

СМОТРИ СЕРИАЛ — ЧИТАЙ КНИГУ

NETFLIX
A NETFLIX
ORIGINAL SERIES

Шортлист. Новые звезды

Уолтер Тевис
Ход королевы

«Издательство АСТ»

1983

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44

Тевис У.

Ход королевы / У. Тевис — «Издательство АСТ»,
1983 — (Шортлист. Новые звезды)

ISBN 978-5-17-121146-2

Бет Хармон – тихая, угрюмая и, на первый взгляд, ничем не примечательная восьмилетняя девочка, которую отправляют в приют после гибели матери. Она лишена любви и эмоциональной поддержки. Ее круг общения – еще одна сирота и сторож, который учит Бет играть в шахматы, которые постепенно становятся для нее смыслом жизни. По мере взросления юный гений начинает злоупотреблять транквилизаторами и алкоголем, сбегая тем самым от реальности. Лишь во время игры в шахматы ее мысли проясняются, и она может возвращать себе контроль. Уже в шестнадцать лет Бет становится участником Открытого чемпионата США по шахматам. Но параллельно ее стремлению отточить свои навыки на профессиональном уровне, ставки возрастают, ее изоляция обретает пугающий масштаб, а желание сбежать от реальности становится соблазнительнее. И наступает момент, когда ей предстоит сразиться с лучшим игроком мира. Сможет ли она победить или станет жертвой своих пристрастий, как это уже случалось в прошлом?

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-17-121146-2

© Тевис У., 1983

© Издательство АСТ, 1983

Содержание

Предисловие автора	6
Глава 1	7
Глава 2	24
Глава 3	38
Глава 4	54
Конец ознакомительного фрагмента.	57

Тевис Уолтер

Ход королевы

© Walter Tevis, 1983, 2014

© Павловская О., перевод, 2019

© ООО «Издательство АСТ», 2020

Элеоноре

Пусть память вернёт мне любимой лицо
И жар, обжигающий башни дворцов.
Шаги твои слышу издалека,
Ты словно прохладный ручей с ледника.
Подковки жестяно стучат по камням,
Вернуться хочу я к тем славным денькам.
Была ты пуглива и двигалась нежно,
Мятежно, и тайно и сладостно-грешно.
Ты моя женщина, ты мой ребёнок,
В тебе оживает смешливый чертёнок.
*Ты водомерка над гладью воды —
Живёшь и не чувствуешь близость беды.*

У. Б. Йейтс. «Водомерка»

Предисловие автора

Великолепные партии гроссмейстеров Роберта Фишера, Бориса Спасского и Анатолия Карпова много лет внушают восхищение шахматистам, таким, как я. Однако, учитывая, что «Ферзевый гамбит» – произведение художественное, разумнее будет не упоминать эти имена в числе действующих лиц, чтобы избежать противоречий с реальными биографиями.

Я хотел бы выразить признательность Джо Энкрайлу, Фэрфилду Хобану и Стюарту Мордену – троим блистательным шахматистам, снабжавшим меня книгами, журналами и знаниями о правилах проведения турниров. Мне также повезло с душевной и деятельной поддержкой со стороны национального мастера по шахматам Брюса Пандольфини – он вычитывал текст и помогал мне избавляться от ошибок в описаниях игры, в которой сам демонстрирует столь завидные результаты.

Глава 1

О смерти матери Бет узнала от женщины с блокнотом. А на следующий день в «Геральд-лидер» появилась фотография: девочка в простом холщовом платье стоит на крыльце серого дома по Мейплвуд-драйв. Уже тогда она выглядела совсем заурядно. В заметке под фотографией говорилось: «Осиротевшая из-за вчерашней крупной аварии на Нью-Сёркл-роуд¹ Элизабет Хармон с тревогой смотрит в будущее. Восемилетняя Элизабет лишилась семьи из-за дорожного происшествия, в результате которого два человека погибли и несколько получили травмы. Сама девочка в тот момент находилась дома и услышала о трагедии незадолго до того, как был сделан снимок. Власти обещают о ней позаботиться».

* * *

В «Метуэн-Хоум», сиротском приюте городка Маунт-Стерлинг штата Кентукки, Бет стала дважды в день получать транквилизатор. Его выдавали всем детям «для усмирения нравов». Нрав Бет в усмирении не нуждался, насколько могли заметить окружающие, но таблетку она каждый раз брала охотно: от этой крошечной пилюльки где-то в самой глубине живота отпускало напряжение, и можно было проводить тягостное время в состоянии полудремы.

Мистер Фергюссен раздавал таблетки в маленьких бумажных стаканчиках. Помимо зеленой, той, что для «усмирения», там лежали еще оранжевая и коричневая – для укрепления организма. Чтобы получить свою порцию, дети должны были выстраиваться в очередь.

Самой высокой в очереди была чернокожая Джолин; ей уже исполнилось двенадцать. На второй день в приюте Бет оказалась в витаминной веренице прямо за ней, тогда Джолин вдруг обернулась и хмуро взглянула сверху вниз:

– А ты настоящая сирота или так, ублюдочная?

Бет не знала, что ответить. Ей сделалось страшно. Они стояли в самом хвосте очереди, и нужно было ждать, пока им не позволят подойти к окошку в двери аптеки, за которым расположился мистер Фергюссен. Бет слышала, как мать называла «ублюдочной тварью» отца, но понятия не имела, что это означает.

– Тебя как зовут, девочка? – спросила Джолин.

– Бет.

– Твоя мама умерла? А с папой что?

Бет молча смотрела на нее. Слова «мама» и «умерла» звучали невыносимо. Ей хотелось убежать, но бежать было некуда.

– Твои родки умерли? – В голосе Джолин даже проскользнуло сочувствие. – Да?

Но Бет так и не нашла что сказать или сделать. Просто стояла в очереди, перепуганная, и ждала таблетку.

* * *

– Вы все ужратые херососы! – заорал Ральф на мальчишечьем дворе.

Бет его услышала, потому что сидела в библиотеке, а окно там как раз выходило на мальчишечий двор. Никаких образов, связанных со словом «херососы», у нее в голове не возникло. Слово было странное, но звучало так, что не оставалось сомнений: воспитатели за это вымоют

¹ Нью-Сёркл-роуд – национальная трасса в американском штате Кентукки. – Здесь и далее примеч. пер.

Ральфу рот с мылом. С Бет уже такое проделывали за слово «гадство», хотя мать повторяла его постоянно.

* * *

Парикмахер велел ей сидеть в кресле ровно и не шевелиться. «Если шевельнешься, – сказал он, – можешь остаться без уха». При этом в его голосе не было и намека на шутку. Бет изо всех сил старалась сидеть ровно, но совсем не шевелиться никак не получалось. Парикмахеру понадобилось очень много времени, чтобы соорудить ей прическу с длинной прямой челкой, как у остальных детей в приюте. Бет пыталась занять себя мыслями о слове «херососы», но в голову лезли только всякие «псы-барбосы», а она догадывалась, что собаки тут ни при чем.

* * *

Уборщик был толстый и с одной стороны казался толще, чем с другой. Звали его Шейбел. Мистер Шейбел. Однажды Бет наткнулась на него в подвале, куда ее отправили почистить губку для классной доски. Уборщик сидел на железной табуретке возле угольной печи и хмуро таранился на разложенную перед ним доску для игры в шашки с зелеными и белыми клетками. Только вместо шашек на ней были пластмассовые фигурки затейливой формы. Одни – покрупнее, другие – помельче; маленьких было больше других. Уборщик поднял взгляд на Бет. Она ушла, ничего не сказав.

По пятницам всем приходилось есть рыбу – и католикам, и прочим.² Квадратные куски, обваленные в сухарях, были покрыты темно-коричневой сухой коркой и политы тонким слоем апельсинового соуса, похожего на французскую заправку для салатов, что продавалась в бутылках. Соус был сладкий и мерзкий, а рыба под ним – и того хуже. От ее вкуса Бет тошнило и однажды чуть не вырвало, но съесть нужно было все до последнего кусочка – иначе о тебе доложат миссис Дирдорфф, директрисе, и прощай приемная семья.

Некоторые дети почти сразу отправлялись в приемные семьи. Шестилетняя девочка по имени Элис попала в приют на месяц позже Бет, а через три недели ее уже удочерили какие-то симпатичные люди с акцентом. Они прогуливались по двору в тот день, когда приехали за Элис, и Бет захотелось их обнять, потому что незнакомцы показались ей счастливыми, но она отвернулась, едва они взглянули в ее сторону. Другие дети прожили в приюте очень долго и знали, что никто их отсюда не заберет. Они говорили о себе, что им «дали пожизненное». Бет задавалась вопросом, какой срок отмерен ей.

* * *

Физкультура была в тягость, и ужаснее всего – волейбол. Бет никак не удавалось правильно отбить мяч – она либо яростно шлепала по нему ладонью, либо тыкала с размаху негнущимися пальцами. Как-то раз она так сильно ушибла один палец, что потом он распух. Все девочки смеялись и радостно кричали во время игры, но Бет никогда не присоединялась к веселью.

Самой лучшей волейболисткой по праву считалась Джолин, и не только из-за того, что была старше и выше остальных, – она всегда точно знала, что делать, а если мяч пролетал высоко над сеткой, шагала вперед – ей даже не надо было орать, чтобы все расступились, осво-

² Пятница – рыбный день у католиков.

бодив дорогу, – подпрыгивала и вколачивала его на половину противника широким гибким движением руки. Та команда, за которую играла Джолин, неизменно побеждала.

Через неделю после того, как Бет ушибла палец, Джолин заступила ей путь, едва урок физкультуры закончился и все побежали в душевые.

– Дай-ка я тебе кое-что покажу, – сказала Джолин. Она подняла руки, растопырив и слегка согнув длинные пальцы. – Вот так надо. – Распрямила локти, плавно качнув предплечьями, как будто принимала воображаемый мяч в чашу из ладоней, и предложила: – Попробуй ты.

Бет попробовала – сначала с опаской. Джолин, засмеявшись, показала снова. Бет повторила за ней несколько раз – теперь уже получалось лучше. Тогда Джолин взяла мяч и кинула его Бет, чтобы та отбила пальцами. Через несколько попыток оказалось, что отбить мяч легко.

– А теперь сама потренируйся, – велела Джолин и побежала к душевым.

Бет тренировалась всю следующую неделю, и в конце концов волейбол перестал быть для нее проблемой. Хорошей волейболисткой она не сделалась, но по крайней мере эта игра ее больше не пугала.

* * *

По вторникам мисс Грэм отправляла Бет в подвал чистить губку для доски после арифметики. Это считалось почетным поручением, а Бет была лучшей ученицей в классе, хоть и самой младшей. В подвале ей не нравилось – там воняло плесенью, к тому же она боялась мистера Шейбела, но ее заинтересовала игра, которую он вел сам с собой на доске для шашек, и хотелось разузнать об этом побольше.

Однажды Бет пришла в подвал, встала рядом с уборщиком и принялась ждать, когда он сделает ход. Уборщик протянул руку к фигурке, представлявшей собой лошадиную голову на маленьком пьедестале, а в следующую секунду зыркнул на Бет и сердито нахмурился:

– Чего тебе, девочка?

Обычно Бет избегала любого общения с людьми, особенно со взрослыми, но сейчас отступить не собиралась.

– Как называется эта игра? – спросила она.

Мистер Шейбел пристально уставился на нее:

– Ты должна быть наверху с остальными детьми.

Она спокойно выдержала его взгляд. Что-то в этом человеке и в самоотдаче, с которой он продолжал таинственную игру, заставило ее стоять на своем и добиться ответа.

– Не хочу быть с остальными, – сказала Бет. – Хочу знать, во что вы играете.

Взгляд уборщика сделался еще пристальнее. А потом он пожал плечами:

– Это называется «шахматы».

* * *

Голая лампочка болталась на черном проводе между мистером Шейбелом и угольной печью. Бет старалась стоять так, чтобы тень от ее головы не падала на игральную доску. Было воскресное утро. Когда детей собрали в часовне на хор и духовные беседы, Бет подняла руку и попросила разрешения выйти в туалет. Вместо этого она спустилась сюда, в подвал, и уже минут десять наблюдала, как уборщик играет в шахматы. Они не обменялись ни словом, но мистер Шейбел, похоже, смирился с ее присутствием.

Порой он по несколько минут неподвижно разглядывал фигуры, смотрел на них с ненавистью, затем наклонялся вперед, насколько позволяло огромное брюхо, протягивал ладонь, брал одну фигурку кончиками пальцев за макушку, на мгновение замирал, будто обнаружив,

что держит за хвост дохлую мышь, и ставил ее на другой квадрат. На Бет он не обращал внимания.

Черная тень от головы девочки лежала у ее ног на бетонном полу, а девочка стояла, смотрела на доску, не отрывая глаз, и ловила каждое движение игрока.

* * *

Она придумала прятать транквилизатор, чтобы сберечь его до вечера. Таблетки помогали ей заснуть. Получив от мистера Фергюссена продолговатую пилюлю, Бет клала ее в рот, заталкивала под язык, делала глоток апельсинового сока из жестяной банки, которую выдавали вместе с витаминами, а когда мистер Фергюссен обращал взор на другого ребенка, доставала пилюлю изо рта и незаметно перекладывала ее в карман «матроски». Оболочка у пилюли была твердая и не успевала раствориться за то время, что находилась под языком.

В первые два месяца Бет спала мало. Она очень старалась заснуть – лежала неподвижно, крепко зажмурившись, но было слышно, как девочки на соседних кроватях кашляют, ворочаются и бормочут во сне и как ночной дежурный ходит по коридору, а его тень, падавшую на кровать, Бет видела даже с закрытыми глазами. Где-то вдалеке вдруг начинал звонить телефон или кто-то спускал воду в туалете, но хуже всего были голоса – дежурный болтал с няней у стола в конце коридора, и пусть они говорили тихо, а беседа казалась веселой и приятной, Бет все равно начинала нервничать: дремы как не бывало, в животе все сжималось, во рту появлялся привкус уксуса, и становилось ясно, что о сне этой ночью можно забыть.

Теперь же она уютно сворачивалась калачиком в кровати и позволяла нервной дрожи, зарождавшейся в животе, овладеть всем телом, потому что знала – это скоро пройдет. Прислушиваясь к себе в темноте, ждала, когда напряжение внутри достигнет пика, затем глотала две пилюли и вытягивалась на спине, чувствуя, как наступает облегчение, прокатываясь по телу, словно волны теплого моря.

* * *

– Вы меня научите?

Мистер Шейбел не ответил на вопрос, даже не кивнул и не помотал головой в знак того, что услышал. Вдалеке, наверху, пели хором «Мы понесем снопы свои»³.

Бет прождала несколько минут. Ее голос дрогнул и чуть не сломался под напором слов, но она все-таки вытолкнула их наружу:

– Я хочу научиться играть в шахматы.

Мистер Шейбел протянул жирную ладонь к черной фигуре – одной из тех, что побольше, – ловко схватил ее за макушку и переставил на другую сторону доски. Отпустил фигуру и скрестил руки на груди. На Бет он по-прежнему не смотрел.

– Я с чужими не играю.

Это прозвучало бесстрастно, но Бет показалось, будто ей влепили пощечину. Она развернулась и пошла прочь, вверх, ступенька за ступенькой, чувствуя горький привкус во рту.

– Я не чужая, – сказала она уборщику два дня спустя. – Я здесь живу.

У нее над головой вокруг голой лампочки летал мотылек, и его бледная тень проносилась по шахматной доске с равномерными интервалами.

– Научите меня. Я уже кое-что умею – поняла, пока смотрела.

³ Американский протестантский госпел на слова поэта и композитора Ноулза Шоу (1834–1878).

– Девочки не играют в шахматы, – все тем же бесстрастным тоном произнес мистер Шейбел.

Бет ожесточенно шагнула вперед и указала пальцем на цилиндрическую фигуру, которой уже успела придумать в своем воображении название «пушка», но коснуться ее себе не позволила:

– Вот эта ходит вперед и назад, вправо и влево. На любое количество квадратов, если они не заняты.

Мистер Шейбел некоторое время молчал, потом указал на фигуру с головкой, похожей на половинку лимона:

– А эта?

У Бет ёкнуло сердце.

– По диагонали.

* * *

Таблетки можно было накопить, если на ночь проглотить всего одну, а вторую спрятать. Бет складывала их в футляр для зубной щетки, куда никому не пришло бы в голову заглянуть. Только надо было следить, чтобы щетка была сухой, и Бет тщательно вытирала ее каждый раз бумажным полотенцем или вовсе ею не пользовалась, а зубы чистила пальцем.

Той ночью она впервые съела сразу три таблетки, одну за другой. И открыла для себя нечто важное. По волосам на затылке словно проскочили искры – она ощутила легкое покалывание; сверкающие искры постепенно разбежались по всему телу, и Бет, лежа в уютной бледно-голубой пижаме на кровати в самом незавидном углу девчачьей спальни – возле двери в коридор и напротив уборной, – поняла, что в ее жизни случился перелом: теперь она знала о шахматных фигурах, о том, как они передвигаются и попадают в плен. И еще она знала, как избавиться от тяжести в животе и от напряжения в мышцах рук и ног с помощью таблеток, которые принесло ей сиротство.

* * *

– Ладно, девочка, – сказал мистер Шейбел. – Можем с тобой сейчас сыграть в шахматы. Я хожу белыми.

У нее в руках была губка для классной доски. Шла перемена после арифметики, через десять минут должна была начаться география.

– У меня времени мало, – сказала Бет.

В прошлое воскресенье, пока все пели, она за час, проведенный в подвале, выучила, как ходят разные фигуры. Бет успела отметить на переключке, а ее дальнейшего отсутствия в часовой никто не заметил, потому что к ним на занятия приходила группа девочек из детского хора с другого конца города. Но с географией все обстояло иначе: Бет страшно боялась мистера Шелла, хотя была одной из лучших учениц в классе.

Голос уборщика прозвучал все так же бесстрастно:

– Сейчас или никогда.

– У меня география...

– Сейчас или никогда.

На то, чтобы принять решение, Бет хватило одной секунды. Она давно приметила за печью деревянный ящик из-под бутылок с молоком и теперь поставила его, перевернув вверх дном, с другой стороны доски, села и сказала:

– Ходите.

Мистер Шейбел обыграл ее в четыре хода. Как она узнала впоследствии, эта комбинация называлась «детский мат». Все произошло очень быстро, но на географию она все же опоздала – на целых пятнадцать минут, – и сказала, что была в туалете.

Мистер Шелл стоял у доски, уперев руки в бока.

– Кто-нибудь из юных леди видел данную юную леди в уборной для юных леди? – обвел он взглядом класс.

Раздались задушенные смешки, но никто не поднял руку, даже Джолин, хотя Бет уже дважды солгала ради нее.

– А сколько из вас, юные леди, посетили уборную для юных леди перед уроком?

Снова зашелестело хихиканье, и вскинулись три руки.

– Кто-нибудь из вас заметил там Бет? Может, кто-то имел счастье наблюдать, как она моет свои очаровательные ладошки?

Ответа не последовало. Мистер Шелл повернулся к доске, на которой успел написать список товаров, экспортируемых Аргентиной, и добавил слово «серебро». На мгновение Бет поверила, что все обошлось, но тут он, по-прежнему стоя спиной к классу, бросил через плечо:

– Пять штрафных.

Десять штрафных баллов означали порку кожаным ремнем. Удар ремнем она пока что могла почувствовать только в своем воображении, но на миг оно разыгралось до такой степени, что Бет представила себе боль в виде языков пламени, охвативших самые нежные части ее тела. Она поднесла ладонь к груди, нащупала на дне кармана «матроски» спрятанную утром таблетку, и страх начал утихать сам собой. Бет вызвала в памяти футляр для зубной щетки – длинную прямоугольную пластмассовую коробочку; сейчас в этом футляре, который покоился в ящике маленькой железной тумбочки у кровати, было еще четыре пилюли.

Той ночью Бет вытянулась в постели на спине. Таблетку в руку она еще не взяла. Лежала и прислушивалась к ночным звукам, замечая, как они становятся все громче по мере того, как глаза привыкают к темноте. В конце коридора, у стола, мистер Бирн завел беседу с миссис Холланд, и тело Бет мгновенно напряглось, едва она их услышала. Прищурившись, девочка уставилась в темный потолок прямо над собой и попыталась мысленно нарисовать на нем игральную доску с белыми и зелеными квадратами. Затем расставила на доске шахматные фигуры в начальной позиции: ладьи, кони, слоны, ферзи, короли и ряды пешек перед ними. Перенесла пешку белого короля на четвертую линию, сделала ответный ход черными... Получилось! Это было легко. Она продолжила воображаемую игру, воспроизводя партию, которую проиграла уборщику. Опустила коня мистера Шейбела на поле в третьем ряду и теперь отчетливо видела эту фигуру на бело-зеленой доске, словно проступившей на потолке приютской спальни.

Ночные звуки становились все тише, превращаясь в гармоничный фон, в белый шум. Бет лежала в кровати счастливая и играла в шахматы.

* * *

В следующее воскресенье она предотвратила «детский мат» с помощью коня на королевском фланге. Ей пришлось сотни раз прокрутить в голове проигранную партию, прежде чем восприятие очистилось от злости и унижения – они схлынули, оставив на доске в ночном видении чистые, омытые фигуры. Когда Бет в воскресенье села играть с мистером Шейбелом, решение у нее уже созрело, и ход конем она сделала, как во сне. Приятно было коснуться настоящей фигуры, ощутить в руке миниатюрную лошадиную голову. А как только Бет опустила коня на поле, уборщик мрачно воззрился на него, затем взял за голову своего ферзя и поставил шах королю Бет. Она уже была готова к этому – видела такой ход на потолке ночью, лежа в кровати.

Уборщику понадобилось четырнадцать ходов, чтобы загнать в ловушку ее ферзя. Бет попыталась играть дальше, лишившись этой фигуры и проигнорировав смертельную потерю, но мистер Шейбел перехватил ее руку, когда она потянулась к пешке.

– Признай поражение, – хрипло потребовал он.

– Поражение?

– Оно самое, девочка. Когда вот так теряешь ферзя, надо сдаваться.

Бет посмотрела на него с недоумением. Он отпустил ее руку, взял черного короля и положил его плашмя на доску. Фигура покатилась вперед, назад и замерла.

– Нет, – сказала Бет.

– Да. Ты проиграла.

Ей захотелось чем-нибудь его ударить.

– Вы не говорили мне о таком правиле.

– Это не правило, а требование спортивной этики.

Теперь она поняла, что мистер Шейбел имеет в виду, но ей это не понравилось.

– Я хочу доиграть до конца, – заявила Бет, взяла своего поверженного короля и поставила его обратно на поле.

– Нет.

– Вы обязаны закончить партию.

Уборщик вскинул бровь и поднялся со стула. Бет еще никогда не видела его стоящим во весь рост в подвале – только в коридорах, когда он подметал полы, или в классах, где он мыл доски. Сейчас ему пришлось слегка сгорбиться, чтобы не упереться головой в потолочную балку.

– Нет, – повторил он. – Ты проиграла.

Это было нечестно. Бет плевать хотела на спортивную этику – она жаждала играть дальше и победить. Сейчас победа нужна была ей больше всего на свете, никогда и ни о чем она так в жизни не мечтала, поэтому произнесла слово, которого еще ни разу не говорила после смерти матери:

– Пожалуйста.

– Партия окончена, – отрезал уборщик.

Бет в бешенстве уставилась на него:

– Ах ты ужратый...

Она не договорила – мистер Шейбел засунул руки в карманы и медленно процедил:

– Больше никаких шахмат. Выметайся.

Будь она выше ростом... Но этого преимущества у нее не было, так что Бет встала и побрела к лестнице. Уборщик молча проводил ее взглядом.

* * *

Во вторник, подойдя с губками для доски к двери в подвал в конце коридора, она обнаружила, что дверь заперта. Бет дважды толкнула ее бедром, но створка не поддавалась. Тогда она постучала – сначала тихо, потом громко. Из подвала не донеслось ни звука. И это было ужасно: Бет знала, что мистер Шейбел – там, сидит перед игровой доской, что он просто злится на нее с прошлой партии, но поделаться ничем не могла. Когда она принесла губки обратно в класс, мисс Грэм даже не заметила, что они остались грязными и что ученица отсутствовала меньше обычного.

Бет ожидала, что в четверг произойдет то же самое, но ошиблась: дверь оказалась открыта, а когда девочка спустилась по ступенькам, мистер Шейбел вел себя так, будто ничего не случилось. Фигуры уже были расставлены. Она торопливо почистила губки и уселась напротив уборщика за доской. Мистер Шейбел сделал ход пешкой, стоявшей перед королем, в тот

самый момент, когда Бет вошла. Она тоже подвинула королевскую пешку на два квадрата вперед и в этот раз была намерена не допустить ни единой ошибки.

Уборщик быстро ответил на ее ход, Бет отреагировала незамедлительно. Игроки не обменялись ни словом – молча продолжали игру. Девочка ощущала, как нарастает напряжение, и ей это нравилось.

На двенадцатом ходу мистер Шейбел пошел конем куда не следовало, и Бет удалось продвинуть свою пешку в шестой ряд. Уборщик вернул коня назад – этот ход был для него бесполезным, и Бет, увидев, что происходит, почувствовала лихорадочную дрожь. Она обменяла своего слона на коня. А потом снова продвинула пешку вперед. На следующем ходу эта пешка должна была стать ферзем.

Мистер Шейбел некоторое время смотрел на доску, затем сердито протянул руку и опрокинул своего короля. Оба по-прежнему молчали. Это была первая победа Бет. Напряжение куда-то исчезло, и его место заняло восхитительное чувство, которого она не испытывала еще ни разу в жизни.

* * *

Бет обнаружила, что если в воскресенье пропустить ланч, ее никто не хватится. В итоге по этим дням у нее образовывалось три часа свободного времени, которые можно было провести с мистером Шейбелом – до половины третьего, когда он уходил домой. Они не разговаривали, ни тот, ни другая. Он всегда играл белыми и делал первый ход; ей доставались черные. Бет хотела было обсудить этот вопрос, но потом решила не спорить.

Однажды в воскресенье, после партии, которую ему удалось выиграть с большим трудом, мистер Шейбел сказал:

– Тебе надо разучить сицилианскую защиту.

– Это что? – с раздражением спросила Бет. Она еще страдала от поражения, которое было особенно болезненным сейчас, после того как на прошлой неделе ей удалось разгромить соперника в двух партиях.

– Когда белые идут пешкой на четвертое поле ферзя⁴, черные делают вот что. – Уборщик наклонился и переставил белую пешку на два квадрата вперед – именно с этого хода он почти всегда начинал новую партию, – затем взял пешку, стоявшую перед слоном на стороне черного ферзя, и тоже переместил ее на два квадрата ближе к центру. Ничего подобного раньше он ей не показывал.

– А дальше что? – уточнила Бет.

Он взял королевского коня и поставил его ниже и правее пешки:

– Конь на KB3.

– Что такое KB3?

– Третье поле королевского слона. То, куда я только что поставил коня.

– Значит, у квадратов есть свои названия?

Уборщик равнодушно кивнул, но Бет чувствовала, что даже этими скудными сведениями он поделился с ней без особой охоты.

⁴ Персонажи романа используют описательную шахматную нотацию, которая была широко распространена в англо- и испаноязычных странах, а также в Португалии, и использовалась на официальных соревнованиях до 1980-х годов, когда от нее отказалась ФИДЕ. В описательной нотации, в отличие от общепринятой алгебраической, вертикали шахматной доски обозначаются первыми буквами названий фигур в начальной позиции с указанием фланга для парных. Слева направо: QR, QN, QB, Q, K, KB, KN, KR; соответственно это вертикали ферзевой ладьи, ферзевого коня, ферзевого слона, ферзя, короля, королевского слона, королевского коня и королевской ладьи. Нумерация горизонталей, обозначенных арабскими цифрами от 1 до 8, ведется со стороны каждого из игроков, то есть первый ряд черных является восьмым для белых, и наоборот. Упомянутый в реплике ход «белые идут пешкой на четвертое поле ферзя» в описательной нотации выглядит так: P-Q4 (P – pawn, «пешка»).

– Названия есть для тех, кто хорошо играет, – добавил он.

Бет подалась вперед:

– Расскажите мне.

Он взглянул на нее сверху вниз:

– Нет. Пока рано.

Бет это взбесило. Она вполне понимала, что у каждого человека могут быть секреты, которыми тот не желает делиться. По крайней мере свои она хранила надежно. И все же в тот момент ей хотелось дотянуться до него поверх доски, вклеить пощечину и заставить все рассказать.

Она с шумом втянула воздух в легкие.

– Это и есть сицилианская защита?

Мистер Шейбел, казалось, испытал облегчение от того, что она сменила тему про названия квадратов.

– Я еще не закончил. – Он продолжил – показал ей базовые ходы и несколько вариантов, но обозначения квадратов больше не называл. Затем воспроизвел на доске вариант Левенфиша и вариант Найдорфа и велел повторить. Она все сделала без единой ошибки.

Но когда после этого они перешли к игре, начали настоящую партию и уборщик выдвинул вперед пешку белого ферзя, Бет очень быстро догадалась, что все, чему он ее только что научил, бесполезно. Она взглянула на мистера Шейбела поверх доски, чувствуя, что, будь у нее сейчас нож, вонзила бы в него лезвие по рукоятку, потом перевела взгляд обратно на доску и выдвинула вперед свою ферзевую пешку с твердой решимостью разбить противника.

Уборщик сделал ход пешкой, стоявшей рядом с ферзевой, перед слоном. Он часто так поступал.

– Это одна из ваших штук, вроде сицилианской защиты? – спросила Бет.

– Один из дебютов. – Уборщик на нее не смотрел – только на доску.

– У него есть название?

Он пожал плечами:

– Ферзевый гамбит.

У Бет улучшилось настроение: все-таки ей удалось научиться у него чему-то еще. Нарочно подставленную под удар белую пешку она решила не брать, оставив положение на доске напряженным. Ей нравилось, как накалялась атмосфера, нравилось ощущать силу, распространявшуюся от фигур по рядам и диагоналям. В середине игры, когда фигуры были уже повсюду, ее охватывала дрожь от бушевавшей на доске мощи. Она пошла королевским конем, чувствуя пальцами исходящую от него силу.

За двадцать ходов Бет победила обе белые ладьи, и мистер Шейбел объявил себя побежденным.

Ночью она свернулась в постели калачиком, зарылась головой под подушку, чтобы не видно было света из-под двери в коридор, и задумалась о том, как использовать в паре слона и ладью с целью поставить внезапный шах. После хода слоном король окажется под боем, а у самого слона на следующем ходу будет полная свобода действий – он даже сможет побить ферзя. Бет довольно долго лежала, в лихорадочном возбуждении обдумывая эту мощную атаку, потом вынырнула из-под подушки, перевернулась на спину, представила на потолке шахматную доску и воспроизвела на ней все партии, сыгранные с мистером Шейбелом, одну за другой. Она обнаружила два момента, в которых могла бы пригодиться только что придуманная ею совместная атака слона и ладьи. В первом случае эта атака создавала открытую двойную угрозу, а во втором ее можно было подготовить и применить коварно, исподтишка. Бет сыграла в своем воображении две партии от начала до конца с новыми ходами – и победила в обеих. Блаженно улыбаясь самой себе, она заснула.

* * *

Учительница арифметики поручила чистить губки для доски другому ученику, сказав, что Бет заслужила отдых. Это было нечестно, потому что Бет по-прежнему демонстрировала блестящие результаты в арифметике, но подделать тут она ничего не могла и каждый день оставалась в классе – дрожащей рукой делала бессмысленные сложения и вычитания, пока худенький рыжеволосый мальчик бегал с губками в подвал. И с каждым днем ей все отчаяннее хотелось играть в шахматы.

Во вторник и в среду она съела на ночь всего по одной таблетке, сэкономив остальные. В четверг ей удалось самостоятельно заснуть после целого часа воображаемой игры в шахматы, и таким образом уцелели обе полученные днем пилюли. То же самое было в пятницу. В субботу весь день напролет – дежуря на кухне в столовой, и когда в библиотеке показывали документальный фильм на тему христианства, и во время тренинга по самосовершенствованию перед обедом – Бет ощущала покалывание сверкающих искр, думая о шести таблетках в футляре для зубной щетки.

Ночью, как только в приюте погасили свет, она проглотила все таблетки, одну за другой, и принялась ждать. Ощущения были восхитительные – в животе разлилась блаженная нега, приятная сладость, и натянутые мышцы расслабились. Она старалась подольше не засыпать, гнала от себя сон, чтобы насладиться теплом внутри – чистым химическим счастьем.

В воскресенье мистер Шейбел спросил, где она пропадала, и Бет удивилась, что его это заботит.

– Меня не отпускали с уроков, – ответила она.

Уборщик кивнул. Шахматная доска уже была разложена, и Бет с изумлением увидела, что она повернута к ней стороной с белыми фигурами, а ящик из-под бутылок с молоком уже стоит рядом.

– Я хожу первой? – с недоверием уточнила она.

– Да. Теперь будем играть белыми по очереди. Так принято.

Она тоже села и сделала ход королевской пешкой. Мистер Шейбел молча передвинул пешку ферзевого слона. Бет не забыла ни одного хода. Она никогда не забывала шахматные ходы и теперь разыграла вариант Левенфиша, не выпуская из поля зрения черного слона, господствовавшего на длинной диагонали, по которой он мог внезапно ринуться в атаку. Ей удалось найти способ обезвредить его на семнадцатом ходу – разменяла на него собственного слона, более слабого. Затем пошла конем, отвела в тыл ладью и еще за десять ходов поставила сопернику мат.

Это оказалось просто – всего лишь нужно было смотреть в оба и мысленно представлять себе все пути развития партии.

Мат застал мистера Шейбела врасплох. Бет загнала его короля в ловушку на последней горизонтали, протянула руку над доской и решительно опустила ладью на матовое поле.

– Мат, – спокойно произнесла она.

Мистер Шейбел сегодня вел себя необычно – даже не насупился, как делал всякий раз, если она его обыгрывала. Он подался вперед и сказал:

– Я научу тебя шахматной нотации.

Бет подняла на него глаза.

– Названия полей, – пояснил он. – Расскажу тебе о них прямо сейчас.

– То есть я уже хорошо играю? – прищурилась Бет.

Уборщик хотел что-то сказать, но передумал, помолчал и спросил:

– Сколько тебе лет, девочка?

– Восемь.

– Восемь лет... – Он наклонился еще ближе, насколько позволило огромное брюхо. – Сказать по правде, девочка, ты играешь феноменально.

Бет не поняла, что он имеет в виду – не знала этого слова.

– Прошу прощения. – Мистер Шейбел подхватил с пола полупустую пинтовую бутылку и сделал из нее глоток, запрокинув голову.

– Это виски? – спросила Бет.

– Да, девочка. Никому не говори.

– Не буду. Научите меня шахматной нотации.

Он поставил бутылку на пол. Бет проводила ее глазами, на секунду задумавшись, какой вкус может быть у виски и что чувствуешь, когда его пьешь. А затем ее взгляд вернулся на доску и все внимание сосредоточилось на тридцати двух фигурах и пешках, в каждой из которых была заключена особая скрытая сила.

* * *

Однажды она проснулась посреди ночи – кто-то сидел на краю ее кровати. Бет съежилась.

– Не бойся, – шепнула Джолин. – Это я.

Бет молчала. Просто лежала и ждала.

– Решила тебя слегка развлечь, – продолжала Джолин. Она скользнула рукой под одеяло и положила ладонь на живот Бет.

Бет лежала на спине, ладонь Джолин замерла у нее на животе, и все тело словно окаменело.

– Не напрягайся, – шепнула Джолин. – Больно не будет. – И чуть слышно хихикнула. – Я озабоченная. Знаешь, что такое «озабоченная»?

Бет не знала.

– Расслабься. Я всего лишь немножко поглажу кое-где. Будет приятно, если не станешь ерепениться.

Бет повернула голову к двери в коридор – та была закрыта, а из-под створки, как всегда, пробивался свет. Из коридора доносились приглушенные голоса – у стола опять шла беседа.

Ладонь Джолин поползла вниз. Бет качнула головой:

– Не надо...

– Тихо, – шепнула Джолин. Ладонь сползла еще ниже, один палец задвигался.

Больно не было, но что-то в глубине души Бет противилось происходящему. Все ее тело покрылось испариной.

– Гадство, – сказала Джолин, – хорошо тебе небось, а? – Она наклонилась ближе, взяла запястье Бет свободной рукой и потянула к себе. – Ты меня тоже погладь.

Она просунула безвольную ладонь Бет себе под ночную рубашку – пальцы коснулись теплого и влажного.

– Давай, нажми слегка, – потребовала Джолин.

Настойчивость в ее шепоте испугала Бет. Она послушалась и сильнее прижала руку.

– Да, детка, – прошептала Джолин. – Теперь подвигай туда-сюда. Вот так.

Она снова задвигала пальцем. Это было ужасно. Бет несколько раз потеряла Джолин между ног, очень стараясь сосредоточиться на том, что делает. У нее на лбу выступил пот, свободная рука вцепилась в простыню, скомкав ткань изо всех сил.

Лицо Джолин приблизилось к ее лицу, ладонь легла ей на грудь.

– Быстрее, – выдохнула Джолин. – *Быстрее.*

– Нет! – выпалила перепуганная Бет. – *Нет, я не хочу.* – И отдернула руку.

– Сука! – так же громко сказала Джолин.

В коридоре прозвучали шаги, дверь открылась, и в спальню хлынул свет. На пороге возникла незнакомая Бет ночная няня. Она простояла там целую минуту – все было тихо, Джолин исчезла. Бет не осмелилась пошевелиться, чтобы посмотреть, вернулась ли та в свою кровать. Наконец женщина ушла. Бет повернула голову и увидела очертания тела Джолин, которая лежала на своей постели. В футляре для зубной щетки остались три пилюли – Бет проглотила их все сразу, откинулась на спину и стала ждать, когда изо рта исчезнет горький привкус.

На следующее утро в столовой она чувствовала себя разбитой из-за бессонницы.

– Ты самая уродливая белая девчонка в мире, – сообщила ей Джолин театральным шепотом в очереди за миской с кашей. – У тебя уродливый нос, уродливое лицо, а кожа как наждачная бумага. Ты нищесбородский гадский сучий крекер⁵. – С этими словами Джолин, гордо вскинув голову, устремила к очереди за омлетом.

Бет ничего не сказала. Она знала, что Джолин права.

* * *

Конь, слон, пешка. На доске бушевали такие могучие стихии, что она трещала по швам. И тут – бац! – в дело вступил ферзь. Ладьи в низу доски поначалу попали под удар, но были к этому готовы – организовали натиск и с одного хода разрядили обстановку. Шел урок естествознания. Мисс Хэдли говорила о магнитах, о «силовых линиях», и Бет, почти задремавшая от скуки, вдруг встрепенулась. Силовые линии! Слоны – на диагоналях, ладьи – на горизонталях.

Парты в классе могут стать полями шахматной доски. Если рыжего мальчишку по имени Ральф превратить в коня, можно подхватить его и перенести на две парты вперед, на одну вбок и посадить на пустой стул рядом с Дениз. Тогда Бертран окажется под шахом – он сидит в первом ряду и будет королем. Бет заулыбалась, обдумывая эту идею. Они с Джолин уже неделю не разговаривали, но Бет не позволяла себе расстраиваться из-за этого. Ей почти девять лет, ни в какой Джолин она не нуждается. И не важно, какие чувства возникают у нее по этому поводу. Ей не нужна Джолин.

* * *

– Вот, – сказал мистер Шейбел и протянул коричневый пакет.

Был воскресный полдень. Бет заглянула в пакет – там лежала тяжелая книга в переплете с названием «Современные шахматные дебюты».

Девочка недоверчиво пролистала страницы – на них были длинные вертикальные колонки с шахматными нотациями, изредка встречались диаграммы с фигурами на досках и заголовки вроде «Дебют ферзевых пешек» или «Индийская защита». Она подняла взгляд.

Уборщик хмуро смотрел на нее.

– Для тебя это то, что надо, – сказал он. – Книга расскажет, что ты хочешь узнать.

Бет промолчала. Она села на ящик из-под бутылок с молоком перед шахматной доской, аккуратно положила книгу на колени и ждала начала партии.

* * *

Уроки английского были самыми скучными – вялый голос мистера Эсперо и поэты с именами вроде Джон Гринлиф Уиттьер или Уильям Каллен Брайант навевали тоску. «Пока

⁵ Крекер – презрительное обозначение белых, такое же неpolitкорректное, как «ниггер» по отношению к афроамериканцам.

небес гряда озарена закатом, уйдешь ты в даль по холодеющей росе...» Эту замшелую чепуху мистер Эсперо декламировал, тщательно выговаривая каждое слово.

Когда он читал вслух, Бет открывала под партой «Современные шахматные дебюты». Каждый из дебютных вариантов она усваивала полностью и сразу, разыгрывая их в голове. На третий день обозначения в записях шахматных ходов – Р-К4, N-KB3 и так далее – уже мгновенно превращались в ее проворном уме в реальные фигуры на реальных полях, и она без труда воспроизводила эти ходы в своем воображении, не нуждаясь в том, чтобы смотреть на доску. Сидела в синей шерстяной плиссированной юбке приюта «Метуэн-Хоум», положив на колени «Современные шахматные дебюты», и пока мистер Эсперо бубнил о духовном подъеме, который дарит нам великая поэзия, или заунывно читал во весь голос что-нибудь вроде «С тем, кто понять умел язык природы, / И в чьей груди таится к ней любовь, / Ведет она всегда живые речи...» – перед ее полуприкрытыми глазами шахматные фигуры со стуком становились на позиции. В конце книги некоторые классические партии были приведены целиком – до сдачи одного из игроков на двадцать седьмом ходу, а иные продолжались и до сорокового, – и она научилась, как провести фигуры через все акты этого балета. Порой у нее перехватывало дыхание от изящной схемы атаки, от смелой жертвы или от сдержанного баланса сил в каком-нибудь положении на доске. И всегда ее мозг работал на победу или на возможность победы.

«Коль весел он – на радости его / Найдется в ней сочувственная радость...»⁶ – читал мистер Эсперо, а Бет благоговейно любовалась геометрическим рококо, следила за танцем шахматных фигур, который развивался в ее сознании, захваченная, восхищенная, поглощенная великими композициями, мало-помалу открывавшимися ее душе, и душа ее открывалась перед ними.

* * *

– *Крекер!* – прошипела Джолин, когда они выходили из класса после урока истории.

– *Ниггер*, – прошипела Бет в ответ.

Джолин обернулась и вытаращилась на нее во все глаза.

* * *

В следующую субботу Бет проглотила сразу шесть таблеток и отдалась сладостной химической реакции, положив одну ладонь себе на живот, другую – на влагилице. Слово «влагилице» она знала от матери – в числе того немногого, чему мать успела ее научить, перед тем как врезалась во что-то на своем «Шевроле». «Хорошенько подмывайся, – говорила мать в ванной. – Влагилице должно быть чистым». Бет потерла пальцем между ног, как делала Джолин. Ничего приятного в этом не было, по крайней мере для нее. Она убрала руку и сосредоточилась на состоянии умственной и душевной легкости, которое принесли таблетки. Возможно, она слишком юная – Джолин все-таки старше на четыре года, и у нее там курчавые волосы. Бет успела их нащупать.

* * *

– Привет, крекер, – беззлобно сказала Джолин. Вид у нее был непринужденный.

– Джолин... – начала Бет.

⁶ Здесь и далее цитируются строки из поэмы У. К. Брайанта «Танатопсис» в переводе А. Плещеева.

Та подошла ближе. Вокруг никого не было, они оказались наедине у шкафчиков с одеждой после физкультуры.

– Чего тебе? – спросила Джолин.

– Хочу узнать, кто такие «херососы».

Джолин на секунду воззрилась на нее – и приснула.

– Бляха-муха, – сказала она. – А ты знаешь, что такое «хер»?

– Вроде бы нет.

– Это у парней такая штука. Может, видела в учебнике по здоровому образу жизни?

Похоже на большой палец.

Бет кивнула. Она видела картинку.

– Ну так вот, детка, – продолжала Джолин, – некоторым девчонкам нравится эту штуку сосать.

Бет задумалась.

– А разве не из этой штуки парни писают? – уточнила она.

– Надеюсь, они ее хорошо вытирают, – пожала плечами Джолин.

Бет зашагала прочь в некотором потрясении. Новые сведения ее сильно озадачили. Она слышала о смертоубийствах и пытках, видела однажды, как соседский мальчишка безжалостно лупил собаку здоровенной палкой, но у нее в голове не укладывалось, как люди могут делать то, о чем сказала Джолин.

* * *

В воскресенье Бет выиграла пять партий подряд. Они с мистером Шейбелом к тому моменту играли уже три месяца, и Бет знала, что теперь он уже не сможет ее победить. Никогда. Она предвидела каждую уловку, каждую опасную ситуацию, которую он мог создать на доске. У него больше не было шансов запугать ее своими конями, или долго держать какого-нибудь слона в угрожающей позиции, или поставить Бет в трудное положение, сбив важную для нее фигуру. Она предвидела все его ходы и могла предотвратить любые угрозы, исподволь продолжая выстраивать атаку.

Когда они закончили последнюю партию, уборщик сказал:

– Тебе ведь восемь лет?

– В ноябре девять.

Он кивнул.

– Будешь здесь в следующее воскресенье?

– Да.

– Хорошо. Приходи обязательно.

Когда она пришла в следующее воскресенье, в подвале с мистером Шейбелом был еще один человек – худой, в костюме с полосатой рубашкой и галстуком.

– Это мистер Ганц из шахматного клуба, – сказал мистер Шейбел.

– Из шахматного клуба? – повторила Бет, разглядывая незнакомца. Он был немножко похож на мистера Шелла, но в отличие от учителя географии улыбался.

– В клубе мы играем в шахматы, – пояснил мистер Шейбел.

– Я тренер команды старшей школы, – сказал мистер Ганц. – Дунканской старшей школы.

Бет о такой никогда не слышала.

– Не откажешься сыграть со мной? – спросил он.

Вместо ответа Бет уселась на ящик из-под бутылок с молоком. Сбоку от доски стоял складной стул – на нем кое-как уместился мистер Шейбел со своими габаритами, а мистер Ганц устроился на табуретке. Он наклонился к доске быстрым нервным движением и подхватил две

пешки – черную и белую. Обе зажал в кулаках, свел их вместе и вытянул руки по направлению к Бет.

– Выбирай, в какой руке, – подсказал мистер Шейбел.

– Зачем? – спросила Бет.

– Будешь играть фигурами того цвета, какой тебе попадется.

– А. – Она наклонилась и почти коснулась руки мистера Ганца. – Тогда в этой.

Он разжал кулак – на ладони лежала черная пешка.

– Ну извини, – улыбнулся мистер Ганц, и от этой улыбки ей стало неудобно.

Доска уже была развернута к Бет стороной с черными фигурами. Мистер Ганц вернул обе пешки на места, сделал ход другой пешкой на четвертое поле короля, и Бет расслабилась. По книжке она выучила все ходы сицилианской защиты. Сделала ответный ход пешкой ферзевого слона на четвертое поле, а когда противник пошел конем, решила использовать вариант Найдорфа.

Мистер Ганц оказался не так уж прост – он играл лучше мистера Шейбела. Однако через дюжину ходов Бет уже не сомневалась, что сумеет его победить, и приступила к делу спокойно и беспощадно. Загнала его в угол и вынудила сдаться на двадцать третьем ходу.

Мистер Ганц положил своего короля набок.

– Вы действительно неплохо играете, юная леди. У вас тут есть кружок?

Бет взглянула на него с недоумением.

– Другие девочки тоже играют в шахматы? Вы занимаетесь в шахматном кружке?

– Нет.

– А где ты тренируешься?

– Здесь.

– Мистер Шейбел сказал, вы с ним играете несколько партий по воскресеньям. Что ты делаешь в остальные дни?

– Ничего.

– Как же ты научилась так играть?

Бет не хотела говорить о том, что она играет в шахматы в голове – на уроках и в постели по ночам, – и, чтобы отвлечь мистера Ганца, предложила:

– Может, еще партию?

Он рассмеялся:

– Хорошо. Твоя очередь играть белыми.

Теперь Бет разгромила его еще быстрее, применив дебют Рети. В книге этот дебют был назван «гиперсовременной системой», и ей нравилось, как ловко в нем задействован королевский слон. Через двадцать ходов она обратила внимание мистера Ганца на то, что ему грозит мат в три хода, и ему понадобилось полминуты, чтобы сообразить, как это произойдет. В итоге он недоверчиво покачал головой и опрокинул своего короля на доску.

– Ты и правда феноменально играешь. Никогда не видел ничего подобного. – Он встал и отошел к печи, возле которой Бет заметила маленький пакет из магазина. – Сейчас мне пора идти, но напоследок я приберег для тебя подарок. – Мистер Ганц протянул ей пакет.

Бет заглянула туда в надежде увидеть еще одну книгу о шахматах. В пакете лежало что-то упакованное в розовую оберточную бумагу.

– Разверни, – улыбнулся мистер Ганц.

Бет достала сверток и сняла бумагу, которая оказалась свободно обернутой вокруг розовой куклы в платье с голубеньким узором, с белобрысыми волосами и ротиком-сердечком. Бет несколько секунд ее рассматривала.

– Ну как? – спросил мистер Ганц.

– Может, еще партию? – сказала Бет, держа куклу за руку.

– Мне пора, – вздохнул мистер Ганц. – Наверное, я вернусь на следующей неделе.

Бет кивнула.

В дальнем углу холла стояла большая жестяная банка из-под оливкового масла – ее использовали вместо мусорной корзины. Бет бросила туда куклу по дороге в библиотеку на воскресный киносеанс.

* * *

Во время урока здорового образа жизни она открыла учебник на картинке в самом конце. На одной странице была нарисована женщина, на другой – мужчина. Рисунок был схематичный, без теней и объема. Мужчина и женщина стояли, опустив руки и развернув их ладонями вперед. В самом низу плоского живота женщины была вертикальная черточка. У мужчины такой не наблюдалось, а если она все-таки имелась, то ее было не видно, потому что на этом месте у него висело что-то похожее на крохотную сумочку, поверх которой было нарисовано нечто продолговатое. Джолин сказала, хер похож на большой палец. Это и был хер.

Учитель, мистер Хьюм, сообщил, что надо есть «зеленые листовые овощи» как минимум один раз в день, и начал писать их названия на доске. За окном слева от Бет зацветала розовая камелия. Бет изучала на рисунке голого мужчину, тщетно пытаясь разглядеть в нем какую-то тайну.

* * *

В следующее воскресенье мистер Ганц вернулся и принес с собой шахматную доску с набором фигур. Доска была черно-белая, а фигуры лежали в деревянной шкатулке на алой фетровой подкладке. Они были сделаны из полированного дерева – на белых Бет разглядела прожилки. Пока мистер Ганц их расставлял, она протянула руку и взяла одного коня. Он оказался тяжелее тех, которыми она играла раньше, а к его основанию был приклеен кружок зеленого фетра. Бет никогда не стремилась к обладанию вещами, но этот набор ей отчаянно хотелось заполучить.

Свою бело-зеленую доску мистер Шейбел тоже разложил на привычном месте и подтащил еще один ящик из-под бутылок с молоком к доске мистера Ганца. Стоял солнечный день, и в подвал сверху вниз, сквозь кусты, росшие на задворках приюта, лился яркий свет. До тех пор, пока фигуры не оказались на начальных позициях, никто не произнес ни слова. Мистер Ганц аккуратно взял коня с ладони Бет и поставил его на место.

– Мы подумали, что ты можешь сыграть с нами обоими, – наконец произнес он.

– Одновременно? – уточнила Бет.

Он кивнул.

Ее перевернутый ящик стоял между двумя досками. Обе доски были развернуты к ней белыми фигурами, и на каждой она передвинула пешку на четвертое поле короля.

Мистер Шейбел ответил сицилианской защитой, мистер Ганц тоже пошел пешкой на четвертое поле короля. У Бет даже не возникло необходимости помедлить и прикинуть в уме продолжение игры – девочка мгновенно ответила на оба хода и обратила взгляд в окно.

Она разгромила обоих без особых усилий. Мистер Ганц заново расставил фигуры, и они начали вторую партию. Теперь Бет на двух досках пошла пешкой на четвертое поле ферзя, а затем пешкой на четвертое поле ферзевого слона – это был ферзевый гамбит. Она чувствовала легкость во всем теле, как будто во сне; семь таблеток, проглоченные около полуночи, еще действовали, погружая разум в апатию и негу.

В миттельшпиле Бет смотрела в окно на куст с розовыми бутонами, когда до нее донесся голос мистера Ганца: «Бет, я сделал ход слоном на пятое поле слона», – и она сонно отозвалась:

– Конь на К-5.

Ей казалось, что куст искрится, переливаясь сиянием в весеннем солнечном свете.

– Слон на четвертое поле коня, – сказал мистер Ганц.

– Ферзь на четвертое поле ферзя, – ответила Бет, не глядя на доску.

– Конь на третье поле ферзевого слона, – угрюмо произнес мистер Шейбел.

– Слон на пятое поле коня. – Бет не сводила глаз с розовых бутонов.

– Пешка на третье поле коня. – Голос мистера Ганца прозвучал как-то снисходительно.

– Ферзь на четвертое поле ладьи, шах, – сказала Бет.

И услышала, как мистер Ганц резко втянул воздух. Мгновение спустя он произнес:

– Король на первое поле слона.

– Мат в три хода. – Бет так и не повернула головы. – Сначала шах конем. У короля два черных поля, и слон берет их под бой. Затем конь ставит мат.

Мистер Ганц медленно выдохнул.

– Господи боже! – пробормотал он.

Глава 2

В приюте шел субботний послеобеденный киносеанс, когда за Бет явился мистер Фергюссен, которому было поручено отвести ее в кабинет миссис Дирдорфф. Фильм был учебный, о хороших манерах, он назывался «Как вести себя за обеденным столом», так что Бет не расстроилась. Зато испугалась – может, воспитатели заметили, что она не ходит в часовню? Или что копит таблетки? Ноги у нее дрожали, а в коленках образовалась странная пустота, пока мистер Фергюссен в белых штанах и белой футболке вел ее по просторному коридору, выстеленному зеленым линолеумом с белыми трещинками. Тяжелые коричневые башмаки Бет скрипели на линолеуме, а сама она щурилась от яркого света флюоресцентных ламп. Вчера был день ее рождения, но никто не поздравил. Мистер Фергюссен, как всегда, молчал, энергично шагая по коридору впереди нее. У двери с панелью из матового стекла и табличкой «ХЕЛЕН ДИРДОРФФ – ДИРЕКТОР» он остановился. Бет открыла дверь и вошла.

Секретарша в белой блузке, дежурившая в приемной, сказала, что ей можно сразу пройти в кабинет, миссис Дирдорфф ждет. Бет, толкнув большую деревянную створку, переступила порог. Директриса сидела за столом, а рядом, в красном кресле, расположился мистер Ганц в коричневом костюме. Он смущенно заулыбался и приподнялся из кресла, когда Бет вошла, а директриса вперила в нее взгляд поверх очков в черепаховой оправе.

– Элизабет... – начала миссис Дирдорфф.

Бет закрыла за собой дверь и встала в нескольких футах от входа, глядя на директрису.

– Элизабет, мистер Ганц сообщил мне, что ты... э-э... – она поправила на носу очки, – одаренный ребенок. – Пару секунд миссис Дирдорфф смотрела на Бет, будто ждала, что та опровергнет это утверждение, но Бет молчала. Тогда директриса продолжила: – Он обратился к нам с необычной просьбой – отпускать тебя в Дунканскую старшую школу по... – Она покосилась на мистера Ганца.

– По четвергам, – подсказал тот.

– По четвергам. Во второй половине дня. Мистер Ганц утверждает, что ты феноменально играешь в шахматы. Он хочет познакомить тебя с членами шахматного клуба.

Бет молчала – страх ее еще не отпустил.

Мистер Ганц откашлялся:

– В клубе состоит дюжина человек, и я хочу, чтобы ты сыграла со всеми.

– Что скажешь? – осведомилась миссис Дирдорфф. – Ты согласна? Мы можем оформить это как экскурсию. – Она улыбнулась мистеру Ганцу, но глаза смотрели сурово. – Мы всегда предоставляем нашим воспитанникам возможность получить полезный опыт вне этих стен.

Бет впервые услышала о такой милости – насколько ей было известно, никто из детей никогда не покидал приют.

– Да, – сказала она. – Согласна.

– Хорошо, – кивнула миссис Дирдорфф. – Стало быть, договорились. Мистер Ганц и кто-нибудь из девочек Дунканской школы будут приходить за тобой по четвергам после обеда.

Мистер Ганц поднялся и направился к выходу. Бет последовала было за ним, но миссис Дирдорфф ее окликнула, велев задержаться.

– Элизабет, – начала она, оставшись с девочкой наедине, – мистер Ганц сообщил мне, что ты играешь в шахматы с нашим зрителем.

Бет колебалась, не зная, что сказать.

– Я имею в виду уборщика, мистера Шейбела.

– Да, мэм.

– Это нарушение правил, Элизабет. Ты что, ходишь к нему в подвал?

Бет собиралась солгать, но передумала – ведь миссис Дирдорфф будет легко выяснить правду.

– Да, мэм, – повторила она.

Бет ожидала гневной отповеди, но когда миссис Дирдорфф заговорила, ее голос звучал на удивление мягко:

– Так дело не пойдет, Элизабет. «Метуэн-Хоум» гордится своими высокими стандартами, а потому мы не можем позволить тебе играть в шахматы в подвале.

У Бет мгновенно скрутило живот.

– Кажется, у нас в игровой комнате была шахматная доска, – продолжала миссис Дирдорфф. – Я скажу Фергюссону, чтобы поискал ее.

В приемной за дверью зазвонил телефон, и на аппарате, стоявшем на директорском столе, замигала лампочка.

– Это все, Элизабет. Когда будешь в Дунканской школе, не забывай о хороших манерах и следи, чтобы ногти у тебя были чистыми.

* * *

В комиксе «Майор Хупл» главный герой был членом Совиного клуба. Это было такое место, где мужчины усаживались в большие старинные кресла, пили пиво и беседовали о президенте Эйзенхауэре и о том, сколько денег их жены тратят на шляпки. У майора Хупла было огромное брюхо, как у мистера Шейбела, а когда он в Совином клубе что-то говорил с бутылкой темного пива в руках, слова вылетали у него изо рта вместе с маленькими пузырьками. Говорил он всегда что-то вроде «Гм-м...» и «Ей-богу!» – так было написано на больших пузырях в самом верху. И вот это всё называлось «клуб». Помещение на рисунках в комиксе было похоже на читальный зал библиотеки «Метуэна». Наверное, ей придется играть с двенадцатью соперниками именно в такой комнате.

Новостью Бет ни с кем не поделилась, даже с Джолин. Вечером она лежала на боку в постели, размышляя о шахматном клубе, и живот сводило от вполне ожидаемого волнения. Сыграть одновременно столько партий – вдруг не получится? Бет перекатилась на спину и нервно ощупала карман пижамы. Там было две таблетки. До четверга оставалось шесть дней. Может, мистер Ганц имел в виду, что она сыграет партию целиком сначала с одним человеком, потом с другим, если уж ей надо себя показать?

Ее игру несколько раз назвали «феноменальной». В словаре толкование было такое: «необыкновенный, исключительный, экстраординарный», и теперь Бет мысленно повторяла себе три слова: «необыкновенно, исключительно, экстраординарно», – пока они не превратились в рефрен.

Она попыталась вообразить на потолке сразу двенадцать шахматных досок, выставленных в ряд, но сумела отчетливо разглядеть только пять. Развернула их к себе черными фигурами, предоставив играть белыми старшекласникам, и когда те пошли пешкой на четвертое поле короля, она ответила каждому сицилианской защитой. Оказалось, ей вполне под силу играть пять партий сразу – пока она сосредоточена на одной доске, остальные спокойно ждут ее внимания.

От стола дежурных в конце коридора опять доносились голоса. Бет услышала вопрос: «Который час?» И ответ: «Два двадцать». Мать в таких случаях говорила: «Время детское», – и Бет продолжила игру, удерживая в воображении сразу пять шахматных досок. О таблетках в кармане она забыла.

На следующее утро мистер Фергюссон, как обычно, протянул ей бумажный стаканчик, но когда Бет в него заглянула, на доннышке оказались только две пилюли – оранжевые витаминки, и больше ничего. Она посмотрела вверх на мистера Фергюссона через окошко в двери аптеки.

– Всё, – отрезал он. – Следующий.

Бет не сдвинулась с места, хотя девочка, стоявшая за ней в очереди, толкнула ее в спину.

– А где зеленая? – спросила Бет.

– Зеленых больше не будет, – сказал мистер Фергюссен.

Бет поднялась на цыпочки и заглянула в окошко. Позади мистера Фергюссена стояла огромная стеклянная банка, на треть заполненная зелеными таблетками, похожими на маленькие конфеты-драже. Их там, наверное, было несколько сотен.

– Вот же они, – показала пальцем Бет.

– Мы от них отказались в соответствии с новым законом, – пояснил мистер Фергюссен. – Теперь запрещено давать детям транквилизаторы.

– Эй, моя очередь, – буркнула Глэдис у нее за спиной.

Бет не шелохнулась. Открыла рот, но не сумела выговорить ни слова.

– Моя очередь получать витамины, – громче сказала Глэдис.

* * *

Иногда по ночам шахматные партии настолько ее захватывали, что потом удавалось заснуть без таблеток. Но в эту ночь ничего не вышло, Бет уже не могла думать о шахматах. У нее остались три зеленые пилюли в футляре для зубной щетки – последние. Несколько раз она решалась взять одну, но потом отказывалась от этого намерения.

* * *

– Я слышала, ты готовишься *выйти в люди*, – сказала Джолин и хихикнула – не над Бет, а в ответ на какие-то свои мысли. – Будешь играть в шахматы при всем честном народе?

– Откуда ты знаешь? – спросила Бет.

Они опять оказались одни в раздевалке после волейбола. Во время игры грудь Джолин, почти незаметная в прошлом году, теперь ходила ходуном под спортивной майкой.

– Детка, я много чего знаю. Шахматы – это все равно что шашки, только фигуры скачут по доске как очумелые, да? Мой дядя Хуберт ими увлекается.

– Тебе про меня сказала миссис Дирдорфф?

– Я к этой чувырле и близко не подхожу. – Джолин доверительно улыбнулась: – От Фергюссена знаю. Он сказал, ты поедешь в старшую школу, в ту, что в самом центре города. После завтра.

Бет взглянула на нее с недоверием – у работников приюта не было принято откровенничать с воспитанниками.

– От Фергюссена?..

Джолин пододвинулась на скамье ближе и с серьезным видом сообщила:

– Мы с ним водим дружбу. Только не болтай здесь об этом, ага?

Бет кивнула.

Джолин отстранилась и принялась вытирать мокрую гриву белым спортивным полотенцем. После волейбола всегда можно было потянуть время, не спеша принять душ и переодеться перед уроками в классах.

Бет задумалась на секунду и хрипло проговорила:

– Джолин...

– А?

– Фергюссен дает тебе зеленые таблетки? Ну, лишние?

Джолин обратила к ней тяжелый взгляд, затем ее лицо смягчилось:

– Нет, детка. Я бы, конечно, не отказалась, но у них строгий учет, всё на контроле – что, кому да сколько. А теперь колеса вообще под запретом.

– Таблетки еще здесь. В большой банке.

– Да ну? Я не заметила. – Джолин пристально смотрела на Бет. – Мне показалось, ты в последнее время какая-то нервная. У тебя что, ломка?

Прошлой ночью Бет проглотила последнюю пилюлю.

– Не знаю, – сказала она.

– Вот увидишь – в ближайшие несколько дней тут будет полно неврастеников. – Джолин закончила вытирать волосы и выпрямилась.

Свет падал из окна у нее за спиной, и сейчас Джолин с буйной курчавой гривой и огромными глазами казалась прекрасной. А Бет, сидевшая рядом с ней на скамье, чувствовала себя уродиной. Бледной мелкой уродиной. Еще она испытывала страх – оттого что сегодня вечером придется лечь в постель без единой пилюли. За две прошедшие ночи ей удалось поспать от силы пару часов, и теперь глаза жгло, будто в них насыпали песок, а шея была мокрой от пота, хотя Бет только что приняла душ. Она не могла отделаться от мыслей о стеклянной банке у Фергюссена за плечом, на треть заполненной зелеными таблетками – футляр для зубной щетки можно было бы засыпать ими доверху сотни раз.

* * *

С того дня, как Бет привезли в «Метуэн», это была ее первая поездка на автомобиле. Она провела в приюте четырнадцать месяцев. Почти пятнадцать. Мать погибла в автомобиле – в таком же черном, как этот, потому что ей в глаз воткнулся острый обломок рулевого колеса. Об этом Бет рассказывала женщина с блокнотом, а Бет разглядывала родинку на ее щеке и молчала. Она тогда ничего не почувствовала. Женщина сообщила ей, что мамы «не стало» и что похороны состоятся через три дня в закрытом гробу. Бет знала, что такое «гроб» – в гробах спал Дракула. Папы «не стало» за год до аварии, потому что он вел «раздолбайскую жизнь», как объяснила мать.

Сейчас Бет сидела в машине рядом с большой, сильно робевшей девочкой по имени Ширли. Ширли занималась в шахматном клубе. Вел машину мистер Ганц. В животе Бет скрутился тугой ком и застрял где-то внутри мотком колючей проволоки. Она сидела стиснув коленки и смотрела прямо перед собой – в затылок мистеру Ганцу, на его полосатый воротничок, на машины и автобусы, едущие впереди и навстречу за лобовым стеклом.

Ширли попыталась завязать беседу:

– Ты умеешь разыгрывать королевский гамбит?

Бет кивнула – говорить боялась. Несколько ночей подряд она спала совсем мало, а этой ночью ей и вовсе не удалось заснуть. Она слышала, как Фергюссен болтал с дежурной, сидевшей за столиком в конце коридора, как они вместе смеялись. Смех Фергюссена – низкий, раскатистый – метался по коридору и лез под дверь в спальню, где Бет лежала, напряженная, одеревеневшая, на узкой кровати.

А днем случилось кое-что неожиданное. Когда они уже садились в машину, прибежала Джолин, окинула мистера Ганца лукавым взглядом и спросила: «Можно Бет на минутку?» Мистер Ганц разрешил. Джолин отвела ее в сторонку и протянула на ладони три зеленые таблетки. «Вот, детка, – сказала Джолин. – Мне кажется, это то, что тебе нужно», – и, поблагодарив мистера Ганца, поспешила в класс с учебником географии под мышкой.

Но проглотить таблетки не представлялось возможным. Они были здесь, под рукой, лежали прямо у нее в кармане, а Бет парализовал страх, в горле пересохло. Она знала, что может закинуть таблетки в рот и никто этого не заметит, но боялась. Скоро они приедут на место назначения. Голова шла кругом.

Машина остановилась у светофора – на другой стороне перекрестка стояла бензозаправка «Пьюар Ойл» с большой синей вывеской.

Бет откашлялась.

– Мне надо в туалет.

– Мы через десять минут уже приедем, – сказал мистер Ганц.

Она решительно помотала головой:

– Я не дотерплю.

Мистер Ганц пожал плечами и, когда загорелся зеленый свет, свернул к бензозаправке. Бет шмыгнула за дверь с табличкой «Ж» и заперлась. Помещение было грязное, с темными разводами на белом кафеле и расколотой раковиной. Открыв кран с холодной водой, Бет закинула в рот пилюли, набрала в горсть воды, хлебнула и проглотила. Почти сразу стало легче.

* * *

Классная комната оказалась просторной, с тремя черными досками на дальней стене. На той доске, что висела в центре, белым мелом было написано: «ДОБРО ПОЖАЛОВАТЬ, БЕТ ХАРМОН!» – большими буквами. Над доской висели цветные фотографии президента Эйзенхауэра и вице-президента Никсона. Почти все парты из класса вынесли и поставили рядом в коридоре вдоль стены; оставшиеся сдвинули в дальний конец помещения. В центре стояли буквой «U» раскладные столы, на каждом уместилось по четыре картонные шахматные доски с зелеными и бежевыми квадратами и пластмассовыми фигурами. Железные стулья разместились внутри буквы «U» напротив черных фигур, при этом на стороне белых ни одного стула не было.

С остановки на бензозаправке прошло уже минут двадцать, нервная дрожь отпустила, но глаза все еще щипало, а суставы болели. Бет была в белой блузке с красными буквами «Метуэн», вышитыми на кармане, и в темно-синей плиссированной юбке.

Когда они втроем вошли, в классе никого не было – мистер Ганц отпер дверь ключом, который до этого лежал у него в кармане. Через минуту зазвенел школьный звонок – коридор наполнился топотом и голосами, в класс начали заглядывать ученики, в основном мальчишки. Очень большие мальчишки, почти как мужчины, – это была старшая школа. Они ходили засунув руки в карманы и оттого сутулились. Бет на секунду растерялась, не зная, куда ей сесть, но потом сообразила, что не сможет сидеть, если будет играть со всеми сразу – ей придется расхаживать от доски к доске, чтобы сделать очередной ход.

– Эй, Аллан, глянь! – крикнул один мальчик другому, махнув большим пальцем в сторону Бет, и она внезапно увидела себя словно со стороны: мелкий никчемный человечек, некрасивая девочка с каштановыми волосами и в унылой приютской школьной форме. Она была в два раза меньше этих шумных, громогласных, нахальных, беспечных учеников в ярких свитерах и чувствовала себя беспомощной и нелепой. Но при очередном взгляде на шахматные доски с расставленными в знакомом порядке фигурами неприятное чувство стало слабеть и испаряться. Возможно, для нее нет места в обычной старшей школе, но оно точно есть здесь, рядом с этими двенадцатью досками.

– Сядьте и замолчите, пожалуйста, – заговорил мистер Ганц необычно властным тоном. – Чарльз Леви будет играть за доской номер один как наш лучший шахматист, остальные рассаживайтесь как пожелаете. Во время игры никаких разговоров.

Все как один вдруг замолчали и посмотрели на Бет. Она в ответ тоже обвела всех взглядом, не моргая, и ощутила, как в душе закипает ненависть, черная, как ночь.

Бет обернулась к мистеру Ганцу и спросила:

– Откуда мне начать?

– С доски номер один.

– А потом перейти к следующей?

– Да, – кивнул он.

Бет только сейчас поняла, что он даже не представил ее мальчикам. Она подошла к первой доске, за которой на стороне черных фигур уже сидел Чарльз Леви, протянула руку, взяла королевскую пешку и переставила ее на четвертое поле.

Удивительно, насколько плохо они играли. Все без исключения. В самых первых партиях, сыгранных в ее жизни, она и то ориентировалась лучше и понимала больше, чем эти большие мальчишки. Они не замечали отсталые пешки⁷ по всей доске, а их фигуры сами подставлялись под «вилки»⁸. Некоторые игроки бросались в жестокие матовые атаки – Бет легко их отбивала, будто отмахивалась от мух. Она быстро переходила от одной доски к другой, не чувствуя нервной дрожи ни в животе, ни в руках. Возле каждой доски ей требовалась одна секунда, чтобы оценить позицию и решить, что делать дальше. Ее ходы были стремительными, уверенными и смертоносными. Чарльза Леви называли лучшим игроком – она лишила все его фигуры защиты за двенадцать ходов и еще за шесть поставила мат королю на последней горизонтали связкой слон-ладья.

Ее ум был ясен и остр, а душа пела в лад с изысканными движениями шахматных фигур. В классе пахло меловой пылью, приютские ботинки поскрипывали с каждым шагом, когда она шла вдоль ряда соперников. Вокруг все молчали; Бет чувствовала себя центром внимания – крошечной, но незыблемой точкой, откуда все контролируется. За окном чирикали птицы – она их не слышала. Несколько человек изумленно смотрели на нее – какие-то ребята пришли из коридора и встали у стены поглазеть на простую девчонку из приюта с окраины города, на девчонку, которая переходила от игрока к игроку с энергией и целеустремленностью Цезаря на поле битвы, с изяществом Павловой под светом софитов. Зрителей набралось около дюжины; одни ухмылялись, другие зевали, но большинство из них чувствовали, что в комнате образовался сгусток энергии, ощущали присутствие того, чего эти старые усталые школьные стены никогда раньше не видели за всю свою долгую историю.

По сути, то, что она сейчас делала, было до ужаса банально, но энергия ее удивительного ума искрила в классе, и те, кто понимал в шахматах, могли эти искры разглядеть. Каждый ход был выплеском той энергии. Часа за полтора Бет разгромила всех противников, и притом без единого неверного или бесполезного хода.

Наконец она остановилась и огляделась. Взятые в плен фигуры сбились в кучки у края шахматных досок. Несколько старшеклассников таращились на нее, остальные отводили глаза. Раздались разрозненные аплодисменты, и у Бет вспыхнули щеки. Ее душа тянулась обратно к доскам, к опасным положениям на них и смертоносным позициям фигур. Но там уже ничего не осталось, а она снова превратилась в маленькую девочку, лишенную силы и власти.

Мистер Ганц вручил ей коробку уитманских⁹ шоколадных конфет за два фунта и отвел обратно к машине. Ширли молча устроилась на заднем сиденье, стараясь не касаться севшей рядом Бет. Всё так же молча они доехали до «Метуэн-Хоум».

В пять часов, как обычно, настал час домашнего задания, Бет сидела в читальном зале – и это было невыносимо. Она попыталась мысленно играть в шахматы, но теперь, после ее триумфа в старшей школе, воображаемые доски и фигуры казались какими-то жалкими, тусклыми, незначительными. Тогда она взялась за учебник географии, поскольку завтра предстояла контрольная, однако в толстой книге были в основном картинки, а особого смысла в картинках она не находила. Джолин в читальном зале не было, и Бет отчаянно хотелось ее увидеть,

⁷ «Отсталая пешка» не может встать на одну горизонталь с соседними пешками своего цвета, теряет защиту и мешает действиям фигур собственного лагеря.

⁸ «Вилка» – одновременное нападение на несколько шахматных фигур соперника.

⁹ «Уитманс» – один из старейших американских брендов шоколада.

спросить, нет ли еще зеленых таблеток. Она то и дело прижимала ладонь к карману блузки, словно в какой-то сверхъестественной надежде нащупать там твердую круглую пилюлю. Но в кармане было пусто.

Джолин нашлась за ужином – как ни в чем не бывало уплетала спагетти в столовой. Бет вошла, подхватила поднос и, даже не взяв еды, зашагала к ее столику. Напротив Джолин сидела еще одна чернокожая девочка – новенькая по имени Саманта; они с Джолин что-то обсуждали.

Бет подступила прямоком к ним и спросила:

– У тебя есть еще?

Джолин, нахмурившись, помотала головой.

– Как твой выход в люди? – поинтересовалась она. – Не облажалась?

– Нет, – сказала Бет. – У тебя есть хоть одна?

– Детка, я больше не хочу об этом слышать, – буркнула Джолин и отвернулась.

* * *

В субботу на дневном киносеансе показывали «Багряницу». Фильм был высокодуховный, с Виктором Мэтьюром¹⁰. Собрались все воспитатели – сидели, ушки на макушке, в последнем ряду, составленном из кресел, около подрагивавшего проектора. Бет первые полчаса смотрела сквозь полузакрытые веки – красные от бессонницы глаза щипало. В ночь четверга она совсем не спала, а в пятничную подремала не больше часа. Желудок скрутило узлом, во рту стоял уксусный привкус. Она сгорбилась на складном стуле, засунув руки в карманы юбки и сжимая в кулаке отвертку, которую припрятала утром. Отвертку она стянула со скамейки в столярной мастерской на мальчишеской половине, сбегав туда после завтрака. Никто ее не заметил.

Бет стиснула отвертку до боли в пальцах и сделала глубокий вдох. Затем встала и направилась к двери, где сидел на страже мистер Фергюссен.

– Я в туалет, – шепнула Бет.

Мистер Фергюссен кивнул, не отрывая глаз от Виктора Мэтьюра с обнаженным торсом на гладиаторской арене.

Бет целеустремленно миновала узкий коридор, шагая по выцветшему, вздувшемуся волнами линолеуму, прошла мимо девчачьей спальни, через комнату отдыха с выпусками журнала «Христианские устремления» и подборкой книг от «Ридерз дайджест» прямоком к дальней стене, в которой было окошко с вывеской «АПТЕКА» и запертым висячим замком.

В комнате стояло несколько маленьких деревянных табуреток, Бет подхватила одну из них. Поблизости никого не было, она слышала только крики гладиаторов с экрана в библиотеке и собственные шаги. Шаги казались ей очень громкими.

Бет поставила табуретку у окошка и забралась на нее – проушины с висячим замком оказались точно на уровне глаз. Само окошко из матового стекла с проволоочной сеткой внутри было вставлено в деревянную раму, покрытую толстым слоем белой эмали. Бет внимательно изучила шурупы в металлических пластинах-проушинах. Они тоже были залиты эмалью. Бет нахмурилась, сердце заколотилось быстрее.

В те редкие дни, когда папа бывал дома и при этом трезвый, он любил заниматься всяким мелким ремонтом по хозяйству. Дом был старый, в бедном районе города, и все деревянные части там тоже были густо замазаны эмалевой краской. Бет в возрасте пяти-шести лет помогала папе откручивать от стен рамки выключателей и розеток большой отверткой. У нее это хорошо получалось, и папа ее хвалил. «Ты быстро схватываешь, золотко», – говорил он, и Бет с тех

¹⁰ «Багряница» – американский художественный фильм 1953 г. о временах Римской империи с библейскими мотивами. Виктор Мэтьюр (1913–1999), американский киноактер, играет в нем греческого раба Деметрия, чей хозяин, римский военный трибун, выиграл в кости одежду распятого Христа.

пор никогда не чувствовала себя такой счастливой. А если бороздки-пазы на шурупах были забиты краской, он говорил: «Дай-ка папочка тебе поможет», – и делал со шляпками шурупов что-то такое, после чего ей оставалось только вставить кончик отвертки в паз и повернуть. Но что именно он делал, чтобы счистить краску? И в какую сторону нужно крутить отвертку? На секунду Бет ощутила удушье от полного бессилия и растерянности. Крики на гладиаторской арене переросли в рев, музыка стала громче и неистовее. Придется слезть с табуретки, вернуться в библиотеку и сесть на свое место перед экраном.

Но если она так поступит, ей уже не избавиться от этого состояния – вечером она ляжет в постель, свет из-под двери будет бить ей в глаза, звуки из коридора ползут в уши, во рту появится уксусный привкус, а облегчение не наступит, тело не расслабится. Бет сжала в кулаке рукоятку отвертки и ткнула по очереди в два больших шурупа. Ничего не произошло. Она стиснула зубы и крепко задумалась, затем сурово кивнула в ответ на собственные мысли, снова сжала отвертку и принялась выколупывать краску уголком наконечника. Именно это и делал папа. Она давила на рукоятку обеими руками, приставив острый краешек к пазу шурупа и твердо упираясь ногами в сиденье табуретки. Несколько кусочков краски поддалось легко, и под ними показалась латунная шляпка. Бет нажимала еще и еще. Наконец отвалился большой пласт белой эмали, освободив бороздку.

Она переложила отвертку в правую руку, аккуратно вставила наконечник отвертки в паз шурупа и повернула – влево, как учил папа. Теперь она это вспомнила – все-таки память у нее была хорошая. Бет крутила изо всех сил, но опять ничего не произошло. Она вытащила отвертку из паза, взялась за нее обеими руками и вставила обратно. Повернула отчаянно, перекручивая кисти и предплечья, и давила до тех пор, пока боль в руках не стала невыносимой. И тогда что-то хрустнуло в пластине замка – шуруп начал поддаваться. Бет крутила отвертку, пока ножка шурупа не вылезла настолько, что его уже можно было ухватить пальцами, довертела, вытащила шуруп и положила в карман блузки. То же самое проделала еще раз. В той пластине, над которой трудилась Бет, было четыре отверстия – по одному в каждом углу, – но держалась она только на двух шурупах – Бет внимательно изучила навесной замок в последние несколько дней, когда подходила к окошку за порцией витаминов. Заодно каждый раз она заглядывала внутрь аптеки – удостовериться, что зеленые таблетки по-прежнему на месте, в большой стеклянной банке.

Второй шуруп она тоже положила в карман, а проушина сама собой повисла на замке, который теперь держался на второй пластине, привинченной к внешней раме окошка. Много ума для того, чтобы понять, что достаточно открутить лишь одну проушину, а не обе, не требовалось, хотя поначалу Бет казалось, что придется поработать и над второй. Она потянула на себя окошко, отклонившись назад, чтобы отвести раму в сторону, и нырнула головой в проем. Лампочка под потолком не горела, но Бет разглядела в темноте очертания стеклянной банки. Просунула руки в проем, затем, встав на цыпочки, навалилась животом на подоконник и подавалась вперед. Она извивалась, протискиваясь в узкое окошко; ноги оторвались от табуретки, острый край подоконника давил так, будто ее резали ножом. Бет не обращала на боль внимания и продолжала методично, рывками, ввинчиваться в проем. Она одновременно почувствовала и услышала, как рвется ткань блузки на животе, и тоже проигнорировала – в шкафчике у нее есть еще одна, можно будет переодеться.

Наконец ее ладони коснулись холодной гладкой поверхности железного стола ниже подоконника. За этот узкий белый стол вставал мистер Фергюссен, когда раздавал им витамины. Бет снова рванулась и оперлась на руки. Там стояли какие-то пустые коробки – она смахнула их, расчищая для себя пространство. Теперь уже двигаться было легче. Бет перенесла вес вперед – подоконник скользнул под бедра, под колени, под ступни, и она повалилась на стол, успев в последнюю секунду сгруппироваться, чтобы не упасть на пол. Она внутри! Сделав пару глубоких вдохов и выдохов, Бет слезла со стола. Света, проникавшего через окошко, хватало,

чтобы различать очертания предметов. Она шагнула к дальней стене тесной каморки и остановилась, глядя на смутно проступающую в темноте банку, заткнутую стеклянной крышкой. Бет сняла крышку и бесшумно положила ее на стол. Затем медленно запустила обе руки в широкое горлышко. Пальцы коснулись скользкой поверхности десятков таблеток. Сотен таблеток. Она просунула руки глубже, зарывшись в таблетки по запястья, набрала воздуха в грудь и надолго задержала дыхание. Наконец выдохнула и вытащила из банки правую руку, зачерпнув целую горсть пилюль. Считать их не стала – сразу закинула в рот и глотала, пока все они не оказались в желудке.

После этого Бет насыпала еще три горсти таблеток в карманы юбки. Справа от окна на стене висел диспенсер для бумажных стаканчиков. Бет сумела дотянуться до него, встав на цыпочки, и отсчитала четыре стакана. Прошлой ночью она все обдумала и остановилась именно на этом количестве. Стопку из четырех стаканов Бет поставила на стол рядом со стеклянной банкой, отделила стаканы друг от друга и по одному наполнила таблетками. Отступила на шаг и осмотрела банку. Таблеток в ней осталось примерно вполовину меньше, чем было, – это оказалось очень заметно. Проблема вроде бы неразрешимая – придется подождать и посмотреть, что будет, когда пропажа обнаружится, решила Бет.

Оставив стаканчики на столе, она подошла к двери, через которую в аптеку на раздачу витаминов попадал мистер Фергюссен. Можно выбраться этим путем – открыть дверь изнутри и в два захода перенести таблетки в железную тумбочку возле кровати. У нее там стоит почти пустая коробка с бумажными платками. Если положить таблетки туда, сверху прикрыть их парой «клинексов», а саму коробку поставить в самый низ, под чистое белье и носки, никто не найдет.

Но дверь не хотела открываться – она была заперта каким-то надежным способом. Бет тщательно ощупала шарообразную ручку и щеколду. Горло перехватило, а руки вдруг окоченели, как у мертвеца. Подозрения, что с дверью не совладать, оправдались: нужен ключ, даже для того чтобы открыть ее изнутри. А вылезти отсюда через то же окошко с четырьмя полными стаканами транквилизаторов не получится.

Бет затрясло. Ее хватят на киносеансе – Фергюссен заметит, что она всё не возвращается. Проектор остановят, детей загонят в комнату отдыха, Фергюссен их пересчитает, а она будет в аптеке. Но хуже нервной дрожи было чувство безысходности – то самое кошмарное чувство, от которого леденело сердце, когда ее увезли из дома, заперли в приюте, заставили спать в комнате с двадцатью незнакомыми девочками и ночами напролет слушать звуки из коридора. Это было почти так же ужасно, как крики в доме, когда там жили папа и мама – они громко ругались в ярко освещенной кухне, а Бет лежала на раскладушке в гостиной, и ее тоже охватывала безысходность, появлялось ощущение, будто она загнана в ловушку, и от этого ощущения коченели руки и ноги. Под дверью, отделявшей гостиную от кухни, была большая щель – оттуда прорывался свет вместе со словами, которые родители выкрикивали друг другу.

Бет вцепилась в дверную ручку аптеки и надолго замерла, отрывисто дыша. Наконец сердце почти вернулось к нормальному ритму, а конечности снова обрели чувствительность. Выбраться можно в любой момент – через окошко. Карманы у нее набиты таблетками. Бумажные стаканы надо поставить на белый стол под окошком, а когда она вылезет оттуда и встанет на табуретку, дотянуться до них и вытащить по одному. Бет четко себе это представила, как позицию фигур на шахматной доске.

Она перенесла стаканы с таблетками на стол, начиная ощущать то самое безмерное спокойствие, которое возникло в тот день, в старшей школе, когда она поняла, что непобедима. Опустив на стол четвертый стакан, Бет обернулась и посмотрела на стеклянную банку. Фергюссен поймет, что таблетки украдены – это невозможно скрыть. Тут вспомнилась поговорка, которую любил повторять папа: «Семь бед – один ответ».

Бет взяла стеклянную банку, поставила ее на стол и высыпала обратно содержимое бумажных стаканов. Отступила на шаг и окинула банку взглядом. Вылезти наружу, просунуть в окошко руки и вытащить банку – это будет легко. И Бет уже придумала, где ее спрятать – в девчачьей спальне, на полке в подсобке, которой никто не пользуется. Там стоит оцинкованное ведро, не пригодившееся уборщику. Банка в ведро как раз уместится. Еще в подсобке есть стремянка, с помощью которой можно будет достать до верхней полки, и не бояться, что кто-то увидит, поскольку девчачья спальня запирается на ключ изнутри. Если из-за пропавших пилюль воспитатели устроят обыск, и даже если они найдут банку, никто не отыщет доказательств, что Бет Хармон с этим как-то связана. Она будет брать понемножку, всего по несколько пилюль каждый раз, и никому не скажет, где они, даже Джолин.

Действие целой горсти таблеток, проглоченных несколько минут назад, потихоньку достигло центральной нервной системы. Нервозности как не бывало. Бет целеустремленно взобралась на белый стол мистера Фергюссена, высунула голову в окошко и оглядела комнату отдыха, по-прежнему пустую. Стеклянная банка стояла в паре дюймов от ее левого колена. Бет протиснулась в проем и твердо встала на табуретку. Еще раз осмотрелась с этой высоты, чувствуя полное спокойствие, всесилие, власть над собственной жизнью.

Она, как во сне, повернулась, наклонилась через окошко, потянувшись к банке на столе, и взяла ее обеими руками за широкое горлышко. Во всем теле образовалась восхитительная легкость. Бет поддалась ей, расслабившись, замедлив движения, и долго смотрела в банку, в зеленые глубины таблеточного моря. Из библиотеки неслась бравурная музыка. Ступни Бет еще касались табуретки, а сама она как складной нож скользнула вперед по раме окна, уже не чувствуя острого ребра подоконника. Она превратилась в мягкую тряпичную куклу. Взгляд расфокусировался, и зеленый цвет в банке вспыхнул яркой люминесцентной кляксой.

«*Элизабет!*» Голос шел из какой-то точки в ее голове. «*Элизабет!*» Бет поморщилась: голос был женский, резкий и неприятный, как у матери. Она не обернулась. Пальцы, прижатые к банке, ослабели. Бет сжала их и потянула банку к себе. Ей чудилось, она движется, словно в замедленной съемке, как в кино – когда показывают родео, все замедляется, если кто-то падает с лошади, и всадник плавно опускается на землю, так, что кажется, будто он не может удариться. Бет подняла банку обеими руками, одновременно развернувшись, – стеклянное горлышко задело раму окошка с глухим звоном, запястья изогнулись, банка выскользнула из рук и взорвалась осколками на краю табуретки у ее ног. Осколки вперемишку с сотнями зеленых таблеток волной хлынули на линолеум. Стеклашки ловили гранями свет, как хрусталь, и сверкая замирали на полу, а зеленые пилюли катились дальше сияющим водопадом, прямо к миссис Дирдорфф. Миссис Дирдорфф стояла в нескольких футах от нее и говорила: «*Элизабет!*» – снова и снова. Как показалось Бет, прошло очень много времени, прежде чем таблетки остановились.

За спиной миссис Дирдорфф стоял мистер Фергюссен в неизменных белых штанах и такой же белой футболке, рядом с ним – мистер Шелл, а позади них толпились дети, которым было любопытно поглазеть, что происходит. Некоторые шурились и часто моргали от яркого света после темной библиотеки, где только что закончилось кино. Все, кто был в комнате отдыха, смотрели на Бет – она высилась на своем миниатюрном табуреточном пьедестале, подняв и разведя на расстояние фута руки, будто все еще держала в ладонях стеклянную банку.

Фергюссен отвез ее на коричневой служебной машине в больницу. Там, в маленькой, ярко освещенной комнате, ее заставили проглотить серую резиновую трубку. Это оказалось просто. Ничто не имело значения – перед ее глазами колыхалось зеленое море пилюль в стеклянной банке. Бет заснула, а проснулась лишь на секунду, когда кто-то ввел ей в руку иглу. Сколько времени провела в больнице, она не знала, но на ночь не осталась точно – Фергюссен повез ее обратно в приют тем же вечером. Теперь Бет сидела на переднем пассажирском кресле, проснувшаяся и безмятежная. Больница находилась на территории университета, где

Фергюссен учился на последнем курсе. Из окна машины он указал на здание Психологического факультета, когда они проезжали мимо:

– Вон там я учусь.

Бет ограничилась кивком. Она представила Фергюссена учеником за партой, как он пишет контрольные и тянет руку, когда ему нужно выйти в туалет. Раньше она никогда не думала об этом человеке с симпатией – считала его таким же, как остальные воспитатели.

– Боже, девочка, я думал, Дирдорфф *лопнет от злости*, – сказал он.

Бет смотрела, как деревья уезжают назад за окном машины.

– Сколько таблеток ты съела? Двадцать? – спросил Фергюссен.

– Я не считала.

Он усмехнулся:

– Ну, тогда наслаждайся. Завтра начнется ломка.

* * *

В «Метуэне» Бет направилась прямиком в постель и крепко проспала двенадцать часов. На следующее утро, после завтрака, Фергюссен, снова молчаливый и отстраненный, пришел за ней, чтобы отвести в кабинет миссис Дирдорфф. Как ни удивительно, страха она не испытывала. Банка разбилась, с таблетками вроде бы было покончено, но Бет чувствовала себя отдохнувшей и спокойной. Потому что, одеваясь, сделала неожиданное открытие: в глубоком кармане шерстяной юбки лежали пережившие ее пленение, поездку в больницу, раздевание и одевание двадцать три зеленые пилюли. Бет пришлось достать зубную щетку из футляра, чтобы они все там уместились.

Миссис Дирдорфф заставила ее ждать почти целый час. На Бет это не произвело впечатления – она сидела в коридоре и читала в географическом журнале статью об индейском племени, жившем в скальных пещерах на побережье. О коричневых людях с черными волосами и плохими зубами. На фотографии было много детей; большинство из них держали на руках или обнимали взрослые, и это было странно: к ней взрослые никогда не прикасались, разве что для того, чтобы наказать. Бет не позволила себе думать о кожаном ремне миссис Дирдорфф. Если директриса собирается пустить его в ход, наверняка удастся отвертеться. Бет почему-то чувствовала, что деяние, за которым ее вчера поймали, превосходит по масштабам любое обычное наказание. Кроме того, она догадывалась, что руководство приюта осознаёт свою вину в том, что кормило ее и других детей транквилизаторами, чтобы они были поспокойнее, а значит, легче будет замять дело.

* * *

Миссис Дирдорфф не предложила ей сесть. На диванчике в директорском кабинете расположился мистер Шелл, а красное кресло занимала мисс Лонсдейл. Мисс Лонсдейл вела духовные беседы в часовне. Бет успела ее послушаться до того, как по воскресеньям начала убегать в подвал, чтобы поиграть в шахматы с уборщиком. Беседы были о христианском служении и о том, что дансинги и коммунизм – это очень плохо, и еще в мире много всего плохого – тут мисс Лонсдейл не вдавалась в подробности.

– Мы обсуждали твоё поведение целый час, Элизабет, – сказала миссис Дирдорфф, устремив на Бет ледяной угрожающий взгляд.

Бет смотрела на нее и молчала. Она чувствовала – происходит что-то похожее на игру в шахматы, а в шахматах нельзя позволить противнику угадать твой следующий ход.

– Твоё поведение всех нас повергло в шок, Элизабет. Никогда... – На секунду у миссис Дирдорфф на челюстях с обеих сторон надулись желваки – мышцы натянулись, как стальные

кабели. – *Никогда* в истории «Метуэн-Хоум» не было столь позорных происшествий. И это не должно повториться.

– Мы все чудовищно разочарованы... – начал мистер Шелл.

– Я не могу заснуть без таблеток, – сказала Бет.

Настала гробовая тишина – все потрясенно молчали некоторое время. Никто не ожидал, что она заговорит. Наконец миссис Дирдорфф обрела дар речи:

– Это одна из причин, по которым тебе больше нельзя их принимать. – В ее голосе было что-то странное – она как будто испугалась.

– Вы вообще не должны были давать их нам, – сказала Бет.

– *Я не потерплю возражений от ребенка*, – процедила миссис Дирдорфф. Она встала и подалась вперед, по направлению к Бет, упершись руками в стол. – Если еще раз позволишь себе так говорить со мной, ты пожалеешь.

У Бет перехватило дыхание. Тело миссис Дирдорфф вдруг показалось ей огромным, и она попятилась, будто прикоснувшись к чему-то обжигающе горячему.

Миссис Дирдорфф села и поправила очки.

– Отныне тебе запрещается посещение библиотеки и игровой площадки во дворе. Отменяется также кино по субботам, и ты должна быть в кровати ровно в восемь по вечерам. Ты поняла меня?

Бет кивнула.

– *Отвечай*.

– Да.

– В часовню будешь приходить на полчаса раньше остальных и расставлять стулья. Если отнесешься к своей обязанности недобросовестно, мисс Лонсдейл тотчас доложит мне, мы с ней уже договорились. Если в часовне или на уроках в классе кто-то из учителей заметит, что ты шепчешься с другими учениками, автоматически получишь десять штрафных баллов. Тебе известно, что означают десять штрафных баллов, Элизабет?

Бет опять кивнула.

– Отвечай.

– Да.

– Элизабет, мисс Лонсдейл сообщила мне, что ты часто надолго отлучаешься из часовни. Это нужно прекратить. Каждое воскресенье ты будешь проводить в часовне все девяносто минут, а также составлять краткое изложение воскресных бесед. Изложения должны быть на моем столе в понедельник утром. – Директриса откинулась на спинку деревянного кресла и сложила руки на коленях. – И вот еще что, Элизабет...

Бет с некоторым опасением взглянула на нее:

– Да, мэм?

Миссис Дирдорфф злое улыбку:

– Никаких шахмат.

* * *

На следующее утро после завтрака Бет, как всегда, стояла в витаминной очереди. Она заметила, что навесной замок на окошке заменили и теперь в обеих пластинах с проушинами по четыре винта.

Когда она подошла к окошку, Фергюссен, увидев ее, усмехнулся:

– Предпочитаешь самообслуживание?

Она покачала головой и протянула руку за витаминами. Он отдал ей стаканчик и сказал:

– Береги себя, Хармон. – Это прозвучало настолько ласково, что Бет удивилась. Раньше она никогда не слышала, чтобы Фергюссен так говорил во время раздачи таблеток.

* * *

Мисс Лонсдейл оказалась незлой. Когда Бет явилась к ней в девять тридцать, наставница явно чувствовала себя неловко и сразу принялась нервно показывать, как снимать чехлы со стульев и расставлять их – даже помогла с первыми двумя рядами. Бет легко бы смирилась с еженедельным посещением часовни, но терпеть бубнеж мисс Лонсдейл о безбожном коммунизме и о том, как он распространяется по Соединенным Штатам, было тяжело. Бет не высипалась и не успевала доесть завтрак, однако ей приходилось внимательно слушать, чтобы потом написать изложение. И она слушала мисс Лонсдейл, которая с чертовски серьезным видом рассуждала о том, что им всем нужно быть настороже, поскольку коммунизм – это как заразная болезнь, которую можно подцепить в любой момент. Бет не вполне понимала, что такое коммунизм. Что-то, во что верят злые люди в разных странах, вроде нацизма, из-за которого другие злые люди замучили миллионы евреев.

Если бы миссис Дирдорфф не предупредила мистера Шейбела, он бы сейчас ждал ее в подвале. Бет страшно хотелось быть там, сыграть партию в шахматы, чтобы отработать на нем королевский гамбит. Может, мистер Ганц приведет сюда кого-нибудь из шахматного клуба сразиться с ней... Она позволила себе задуматься об этом всего на секунду, а сердце чуть не вырвалось наружу. Ей захотелось сбежать. И защипало глаза.

Она быстро поморгала, тряхнула головой и продолжила слушать мисс Лонсдейл, которая теперь говорила об ужасной стране СССР.

* * *

– Ты бы себя видела! – сказала Джолин. – Во весь рост на табуретке! Стояла там в полной отключке, пока Дирдорфф на тебя орала.

– Ощущения были забавные.

– Бляха-муха, а то! Наверняка забавные, чтоб я сдохла! – Джолин шагнула ближе. – Тебе же удалось притырить хоть немного колес? Сколько?

– Тридцать.

Джолин уставилась на нее во все глаза и выдохнула:

– Бли-ин!

* * *

Засыпать без таблеток было трудно, но вполне возможно. Те несколько зеленых пилюль, что у нее остались, Бет припасла на чрезвычайные случаи, решив, что, если ей предстоят долгие часы без сна каждую ночь, она будет убивать время, изучая сицилианскую защиту. В «Современных шахматных дебютах» сицилианской защите было посвящено пятьдесят семь страниц с разбором ста семидесяти вариантов, начинающихся с ответного хода черных P-QB4¹¹. Она выучит наизусть их все и по ночам станет мысленно проигрывать в голове от и до. А когда варианты закончатся, можно будет перейти к защитах Пирца, Нимцовича и Руи Лопеса¹². «Современные шахматные дебюты» – толстый томище с мелким шрифтом. У нее все будет в порядке.

Однажды после географии она увидела в конце длинного коридора мистера Шейбела. Он мыл пол; рядом стояла металлическая бадья на колесиках. Все ученики пошли в другую

¹¹ Пешка на четвертое поле ферзевого слона. В алгебраической шахматной нотации это ход c7-c5.

¹² Второе название защиты (дебюта) Руи Лопеса – «испанская партия».

сторону, к двери во двор, где можно было провести перемену между уроками, а Бет направилась к уборщику и остановилась там, где начинался мокрый линолеум. Она простояла целую минуту, прежде чем уборщик соизволил наконец обратить на нее внимание.

– Извините, – сказала Бет. – Мне больше не разрешают играть в шахматы.

Он нахмурился и кивнул, но ничего не ответил.

– Меня наказали. Я... – Она взглянула ему в лицо, которое ничего не выражало. – Я бы хотела еще с вами поиграть.

Мистер Шейбел мгновение смотрел на нее так, будто собирался что-то сказать, но вместо этого вперил взгляд в пол и, слегка наклонив жирный торс, продолжил орудовать шваброй. А Бет вдруг почувствовала противный уксусный привкус во рту, развернулась и зашагала прочь по коридору.

* * *

Джолин говорила, что ближе к Рождеству всегда кого-нибудь удочеряют. На следующий год после того, как Бет запретили играть в шахматы, в самом начале декабря, приемные родители взяли из приюта двух девочек. «Обе хорошенькие», – сказала тогда Бет про себя. «Обе белые», – вслух заявила Джолин.

Какое-то время в девчачьей спальне пустовали две кровати. А потом однажды утром, перед завтраком, в девчачью спальню пришел Фергюссен. Некоторые девчонки захихикали, увидев его в своих владениях – мужчину с тяжелой связкой ключей на ремне. Он направился напрямик к Бет, которая в это время натягивала носки. Приблизился ее десятый день рождения. Она поправила второй носок и взглянула вверх, на Фергюссена.

Он нахмурился:

– У нас для тебя есть новое местечко, Хармон. Иди за мной.

Бет последовала за ним к дальней стене спальни – там, под окном, стояла одна из двух опустевших кроватей. Она была шире других, а вокруг оставалось больше свободного пространства.

– Можешь перенести свои вещи в тумбочку, – сказал Фергюссен. Помолчал немного, глядя на нее, и добавил: – Тебе здесь будет удобнее.

Она замерла в изумлении – это была лучшая кровать во всей девчачьей спальне. Фергюссен сделал отметку в журнале. Пока он смотрел на страницу, Бет протянула руку и коснулась кончиками пальцев его запястья рядом с часами, там, где росли темные волоски.

– Спасибо, – сказала она.

Глава 3

– Насколько мне известно, тебе через два месяца исполнится тринадцать, Элизабет, – начала миссис Дирдорфф.

– Да, мэм. – Бет сидела на стуле с жесткой прямой спинкой напротив директорского стола. Фергюссен забрал ее с урока и привел сюда. Было одиннадцать утра. В этот кабинет Бет не заглядывала больше трех лет.

Внезапно подала голос сидевшая на диванчике незнакомая леди.

– Двенадцать – такой чудесный возраст! – с наигранной веселостью сообщила она.

Леди была в бледно-голубом вязаном кардигане поверх шелкового платья. Ее можно было бы назвать красивой, если бы не избыток алой помады и не странная манера нервно дергать ртом во время разговора. Рядом на диванчике сидел мужчина в темно-сером крапчатом костюме с жилетом.

– У Элизабет высокая успеваемость по всем предметам, – продолжила миссис Дирдорфф. – Она первая в классе по чтению и арифметике.

– Как чудесно! А я в арифметике ничего не смыслила. – Леди лучезарно улыбнулась Бет и доверительным тоном представилась: – Меня зовут миссис Уитли.

Мужчина откашлялся, прочистив горло, но ничего не сказал. Выглядел он так, будто ему хотелось немедленно очутиться где-нибудь в другом месте.

Бет кивнула леди, поскольку не придумала, что ответить; она не понимала, зачем ее сюда привели.

Миссис Дирдорфф продолжила рассказ о школьных успехах Бет под восхищенные возгласы леди, которая всячески демонстрировала внимание. О зеленых таблетках и об интересе Бет к шахматам директриса не упомянула; в ее тоне звучало сдержанное одобрение в адрес воспитанницы. Когда она закончила, на некоторое время воцарилось неловкое молчание. Затем мужчина снова прочистил горло, беспокойно поерзал на диване и посмотрел в сторону Бет – куда-то поверх ее головы.

– Тебя все называют Элизабет? – спросил он. Голос звучал так, будто у него в горле застрял воздушный пузырь. – Или Бетти?

Она взглянула на него:

– Бет. Меня называют Бет.

Через несколько недель она уже забыла об этой встрече в кабинете миссис Дирдорфф, погрузившись в учебу и чтение. Бет нашла в библиотеке серию книг для девочек и читала повсюду, едва появлялась возможность, – в классе на уроке, ночью в постели, в свободное время по воскресеньям. В книгах рассказывалось о приключениях старшей дочери в большой суматошной семье Форбс. Полгода назад в «Метуэне» появился телевизор – его включали на час каждый вечер, но Бет обнаружила, что приключения Эллен Форбс гораздо увлекательнее, чем «Я люблю Люси» или «Дымок из ствола»¹³. Она сидела на кровати в пустой спальне и читала, пока в приюте не выключали свет. Никто ее не тревожил.

Однажды вечером в середине сентября она все так же сидела одна с книжкой, когда явился Фергюссен.

– Ты еще не собрала вещи? – спросил он.

Бет закрыла книгу, заложив палец между страницами.

– Зачем?

– Тебе что, не сказали?

¹³ «Я люблю Люси» – очень популярный американский комедийный сериал, выходивший в 1951–1957 гг. «Дымок из ствола» – не менее популярный сериал о Диком Западе, транслировавшийся с 1955 по 1975 год.

– Что не сказали?

– Тебя удочерили. Приемные родители приедут за тобой завтра утром.

Она так и осталась сидеть на краешке кровати, глядя на просторную белую футболку Фергюссена.

* * *

– Джолин, – сказала Бет, – я не могу найти книгу.

– Какую книгу? – сонно отозвалась Джолин.

Это происходило незадолго до того, как в приюте должен был погаснуть свет.

– «Современные шахматные дебюты», в красном переплете. Она была в тумбочке.

Джолин покачала головой:

– Не видела. Отстань уже.

Бет несколько недель не доставала книгу, но точно знала, что положила ее во второй ящик, сверху. Сейчас перед ней на кровати валялась коричневая нейлоновая сумка, заполненная тремя платьями, четырьмя комплектами белья, зубной щеткой, расческой, куском мыла, двумя заколками и несколькими хлопчатобумажными носовыми платками. Тумбочка была совершенно пуста. Бет уже поискала «Современные шахматные дебюты» в библиотеке, но их там не оказалось. Больше искать было негде. Целых три года игра в шахматы шла только в ее воображении, но эта книга была единственной вещью, которой она дорожила.

Бет покосилась на Джолин:

– Ты точно ее не видела?

Джолин сердито зыркнула на нее:

– Сама-то поняла, на кого бочку катишь? Мне такие книжки без надобности. – Затем ее голос смягчился: – Я слышала, за тобой завтра приедут.

– Точно.

– А что не так? – хмыкнула чернокожая. – Не хочешь уезжать?

– Не знаю.

Джолин улеглась и натянула одеяло до подбородка.

– Просто почаще говори им «Да, сэр» или «Да, мэм», и все будет пучком. Еще скажи, ты страшно благодарна за то, что судьба привела тебя в дом к добрым христианам. Тогда они, может, даже поставят в твоей комнате телевизор.

В том, как она это сказала, было что-то странное.

– Джолин, – проговорила Бет, – мне очень жаль.

– Чего это тебе жаль?

– Что тебя не удочерили.

Джолин фыркнула:

– Бляха-муха, мне и здесь неплохо. – Она перекатилась на другой бок, спиной к Бет, и свернулась калачиком.

Бет потянулась было к ней, но тут на пороге спальни возникла мисс Ферт и оповестила: «Девочки, гашу свет!» Пришлось вернуться к своей кровати – успела в последнюю секунду.

На следующее утро миссис Дирдорфф проводила Бет до парковки и стояла возле машины, пока мистер Уитли садился за руль, а миссис Уитли и Бет устраивались позади на пассажирских креслах.

– Будь хорошей девочкой, – сказала миссис Дирдорфф.

Бет кивнула и одновременно увидела плеча директрисы, что кто-то вышел на крыльцо административного здания приюта. Это был мистер Шейбел. Он стоял, засунув руки в карманы рабочего комбинезона, и смотрел в сторону машины. Ей захотелось побежать к нему,

но на пути была миссис Дирдорфф, поэтому Бет откинулась на спинку сиденья. Миссис Уитли начала болтать, а мистер Уитли завел мотор.

Когда они отъезжали, Бет извернулась на сиденье и помахала мистеру Шейбелу в заднее окно, но он не ответил. Впрочем, сказать с уверенностью, разглядел он ее или нет, Бет не могла.

* * *

– Видела бы ты их лица! – воскликнула миссис Уитли. На ней был тот же бледно-голубой вязанный кардиган, но под кардиганом на этот раз оказалось линейное серое платье, а нейлоновые чулки были скатаны вниз, до лодыжек. – Они заглянули у меня во все шкафы и даже сунули нос в холодильник. Я сразу поняла, что они в восторге от моих запасов! Положи себе еще тунца. Обожаю смотреть, как детишки едят.

Бет положила на тарелку еще один маленький кусочек. Тунец был пересолен, но она об этом ничего не сказала. Это был ее первый обед в доме Уитли. Мистер Уитли уехал по делам в Денвер, и предполагалось, что он будет отсутствовать несколько недель. Его фотография стояла на пианино у задернутого тяжелыми шторами окна столовой. В гостиной, несмотря на отсутствие зрителей, работал телевизор; низкий мужской голос рассказывал про анацин¹⁴.

Мистер Уитли привез их в Лексингтон в полном молчании и сразу поднялся на второй этаж. Спустился он через несколько минут с чемоданом, рассеянно поцеловал миссис Уитли в щеку, кивнул в знак прощания Бет и удалился.

– Они хотели знать про нас всё: сколько Олстон зарабатывает в месяц, почему у нас нет своих детей. Даже навели справки... – миссис Уитли подалась вперед, наклонившись над блюдом из жаростойкого стекла поближе к Бет, и перешла на театральный шепот, – не состояла ли я на учете в психдиспансере. – Она отстранилась и перевела дыхание. – Ну можешь ты себе такое представить? Можешь?

– Нет, мэм, – сказала Бет, когда поняла, что в непрерывной болтовне внезапно настала пауза. Она наколола на вилку очередной кусок тунца и проглотила его, обильно запив водой.

– Эти люди ужасно *дотошные*, – заметила миссис Уитли. – Но, знаешь ли, я полагаю, быть дотошными – их прямая обязанность.

К еде на своей тарелке она не притронулась. За те два часа, что Бет провела в ее доме, миссис Уитли то и дело вскакивала со стула и бежала проверять духовку, поправлять какую-нибудь покосившуюся репродукцию Розы Бонёр¹⁵ на стене или опорожнять пепельницу. Болтала она почти без умолку, а Бет время от времени вставляла «Да, мэм» или «Нет, мэм», не особенно вслушиваясь. Отведенную ей комнату миссис Уитли еще не показала, коричневая нейлоновая сумка так и стояла на полу у входной двери, рядом с перегруженной журналами этажеркой, там, где Бет эту сумку и оставила в десять тридцать утра.

– Видит бог, – говорила миссис Уитли, – им просто необходимо быть дотошными, вникать во все детали жизни тех, кому они собираются перепоручить свою ответственность. Нельзя же доверить заботу о ребенке каким-нибудь негодяям!

Бет аккуратно положила вилку на стол:

– Простите, можно мне в туалет?

– О, конечно! – Миссис Уитли указала своей вилкой в сторону гостиной. Она не выпускала вилку из рук в течение всего обеда, но при этом не съела ни кусочка. – Белая дверь слева от дивана.

Бет встала из-за стола, протиснулась мимо пианино, которое заполняло собой всю крошечную обеденную комнатку, вошла в гостиную и принялась лавировать в нагромождении

¹⁴ Анацин – таблетки от головной боли, аналог анальгина.

¹⁵ Роза Бонёр (1822–1899) – французская художница-анималистка.

кофейных и журнальных столиков. Главное место здесь занимал огромный телевизор из палисандрового дерева; сейчас шел дневной киносеанс – показывали какую-то драму. Бет осторожно прошла по ковру с грубым ворсом к двери в туалет. Помещение оказалось крошечным и было полностью оформлено в голубом цвете того же оттенка, что и вязаный кардиган миссис Уитли. Там были бледно-голубой ковер, бледно-голубые полотенца и бледно-голубое сиденье для унитаза. Даже туалетная бумага оказалась бледно-голубой. Бет подняла сиденье и, после того как ее вырвало тунцом в унитаз, спустила воду.

* * *

Когда они поднялись по лестнице на второй этаж, миссис Уитли ненадолго остановилась, опершись бедром на перила и тяжело дыша, затем сделала несколько шагов по выстеленному ковром коридору и театральным жестом распахнула дверь.

– Вот, – сказала она, – это будет твоя комната.

Поскольку дом был маленький, Бет ожидала, что ее поселят в какой-нибудь каморке, но едва она шагнула через порог, у нее захватило дух – комната показалась ей огромной. На голом дощатом полу, выкрашенном серой краской, у большой кровати лежал розовый овальный коврик. Раньше у нее никогда не было собственной спальни. Она замерла с сумкой в руках и обвела взглядом все помещение. Здесь были комод с зеркалом, и столик из древесины оранжевого цвета в тон комоду с розовой стеклянной лампой, и розовое жаккардовое покрывало на кровати.

– Ты даже не представляешь, как трудно найти хорошую кленовую мебель, – пожаловалась миссис Уитли. – Но я уж постаралась, могу сказать без ложной скромности.

Бет слушала вполуха. Теперь эта комната принадлежала *ей одной*. Она обернулась и посмотрела на густо покрашенную эмалью дверь. Под шарообразной ручкой торчал ключ. Значит, можно запереть дверь изнутри, и никто не войдет.

Миссис Уитли показала ей туалет и ванную дальше по коридору и оставила ее в одиночестве раскладывать вещи и обустраиваться, закрыв за собой дверь. Бет поставила на пол сумку и прошла по комнате, ненадолго задержавшись у каждого окна, чтобы бросить взгляд на улицу с двумя рядами деревьев у тротуаров. Обнаружила встроенный шкаф для одежды – больше, чем у матери, – и тумбочку у кровати с маленькой лампой для чтения. Комната была чудесная. Вот бы Джолин ее увидеть... На мгновение она до слез затосковала по Джолин, ей захотелось, чтобы Джолин оказалась здесь и можно было вместе обойти комнату, рассмотреть обстановку, а потом развесить одежду в шкафу.

В машине, по дороге сюда, миссис Уитли сказала, как они счастливы взять к себе «такого взрослого ребенка». «Почему бы вам тогда не удочерить еще и Джолин?» – подумала Бет, но ничего не сказала. Она посмотрела на мистера Уитли – на его угрюмо сжатые челюсти и бледные руки на рулевом колесе, – затем на миссис Уитли и поняла, что они никогда не удочерят Джолин.

Бет села на кровать и выбросила из головы эти воспоминания. Кровать была восхитительно мягкая, пахла чистотой и свежестью. Бет, наклонившись, сняла туфли, а потом завалилась на спину и вытянулась во весь рост на этом просторном уютном ложе; счастливая, повернула голову к надежно запертой двери, которая превращала всю спальню в ее единовластное владение.

Той ночью она много часов пролежала без сна, не желая засыпать. Под окнами стояли уличные фонари, но тяжелые плотные шторы перекрывали путь свету. Перед тем как пожелать спокойной ночи, миссис Уитли показала Бет собственную спальню в другом конце коридора. Ее комната оказалась такого же размера, но там были телевизор, кресла в чехлах и голубое покрывало на кровати. «Это перестроенная мансарда», – сказала миссис Уитли.

Бет, лежа в постели, слышала, как миссис Уитли покашливает, а позже – как она про-
шлепала босыми ногами по коридору в туалет. Но ночные звуки ее больше не тревожили –
дверь спальни была закрыта и заперта. Никто не откроет эту дверь, и свет не ударит ей в лицо.
Миссис Уитли в своей комнате спала одна, так что можно было не бояться ругани и разговоров
– до Бет доносились лишь приглушенная музыка и ненатуральные голоса из телевизора. Было
бы здорово, окажись здесь Джолин, но тогда бы эта спальня уже не принадлежала ей одной,
она не смогла бы растянуться во весь рост прямо посередине этой здоровенной кровати на
прохладной простыне и единолично наслаждаться тишиной.

* * *

В понедельник она пошла в школу. Миссис Уитли отвезла ее на такси, хотя до школы
было не больше мили. Бет записали в седьмой класс. Здесь все было как в той старшей школе в
другом городе, где она давала сеанс одновременной игры в шахматы. Бет понимала, что непра-
вильно одета, но никто не обращал на нее особого внимания. Несколько учеников какое-то
время рассматривали Бет, когда учительница представляла ее классу, но тем все и ограничи-
лось. Ей выдали учебники и внесли фамилию в классный журнал. Пролистав учебники и послу-
шав учителей на уроках, она поняла, что все будет легко. Правда, ее немного пугали громкие
голоса в коридорах на переменах, и когда другие ученики смотрели на нее, она порой робела,
но это было не так уж невыносимо. Бет чувствовала, что сумеет пережить все, что может слу-
читься с ней в этой залитой солнцем, шумной городской школе.

В столовой она взяла сэндвич, картонный стакан с молоком и попыталась уединиться за
столиком, но напротив тут же села другая девочка. Обе поначалу молчали. Другая девочка
была такой же невзрачной, как Бет.

Расправившись с половиной сэндвича, Бет подняла глаза на соседку и спросила:

– В этой школе есть шахматный клуб?

Девочка взглянула на нее с удивлением:

– Чего?

– Здесь есть кружок, в котором играют в шахматы? Я хочу туда записаться.

– А, – сказала девочка. – Вроде нет ничего такого. Можешь попробовать записаться в
младшую команду черлидерш.

Бет доела сэндвич.

* * *

– Ты слишком много времени проводишь за учебой, – сказала миссис Уитли. – У тебя
есть какие-нибудь увлечения?

Вообще-то в тот момент Бет и не думала учиться – она сидела в своей комнате в кресле
у окна и читала роман, который взяла в школьной библиотеке. Перед тем как войти, миссис
Уитли постучала. Она была в розовом пушистом банном халате и розовых атласных тапочках.
Вошла и присела на краешек кровати, рассеянно улыбаясь Бет, как будто думала о чем-то
совсем другом. Бет прожила в этом доме уже неделю и успела заметить, что у миссис Уитли
часто бывает такой отсутствующий вид.

– Мне нравится играть в шахматы, – ответила Бет.

Миссис Уитли недоуменно заморгала:

– В шахматы?

– Это мое любимое занятие.

Миссис Уитли дернула головой так, словно хотела стряхнуть что-то застрявшее в волосах.

– О, шахматы! – воскликнула она. – Королевская игра. Как мило!

– Вы умеете играть? – спросила Бет.

– О боже, нет, конечно! – отозвалась миссис Уитли и хмыкнула, будто в осуждение самой себе: – Мне на это мозгов не хватает. А вот мой отец умел играть. Он был хирургом и очень интеллигентным человеком. Думаю, в свое время он считался первоклассным шахматистом.

– Можно мне поиграть с ним?

– К сожалению, нет. Мой отец умер много лет назад.

– А у вас есть знакомые, с которыми я могу поиграть?

– В шахматы? Вряд ли. – Миссис Уитли несколько секунд пристально изучала ее взглядом. – По-моему, это все-таки игра для мальчиков.

– Девочки тоже играют.

– Как мило, – пробормотала миссис Уитли – ее мысли опять уже были далеко.

* * *

Миссис Уитли два дня надраивала дом к приходу мисс Фарли и три раза заставила Бет причесаться утром перед ее визитом.

Мисс Фарли явилась не одна – за ней следовал высокий мужчина в спортивной куртке. Когда они вошли, Бет с удивлением узнала Фергюссена. Он казался слегка смущенным.

– Привет, Хармон. – Фергюссен остановился в гостиной миссис Уитли, засунув руки в карманы. – Я без приглашения.

Мисс Фарли принесла с собой целую стопку бланков и контрольный лист. Она желала знать о режиме и рационе питания Бет, о ее успеваемости в школе и о том, какие у нее планы на лето. В основном в разговоре участвовала миссис Уитли, и Бет видела, что с каждым новым вопросом она становится всё эмоциональнее.

– Вы даже не представляете, – говорила она, – как чудесно Бет вписалась в школьное окружение. Учителя в восторге от ее познаний...

Бет не помнила, чтобы миссис Уитли хоть раз беседовала с ее учителями, но промолчала.

– Я бы хотела пообщаться и с мистером Уитли, – сказала мисс Фарли. – Он скоро придет?

Миссис Уитли ей широко улыбнулась:

– Олстон звонил сегодня утром и дико извинялся, что не сможет прийти. Он так много работает! – Она покосилась на Бет, не переставая улыбаться. – Олстон – наш кормилец.

– Надеюсь, у него найдется возможность проводить побольше времени с Бет, – сказала мисс Фарли.

– О, разумеется! – воскликнула миссис Уитли. – Олстон для нее прекрасный отец!

Бет ошеломленно уставилась на собственные руки, сложенные на коленях. Даже Джолин не умела так нагло врать. На секунду Бет и сама поверила миссис Уитли, представив себе доброго и заботливого Олстона, любящего отца и мужа, – Олстона Уитли, который существовал только на словах его жены, – но тут же вспомнила его настоящего: угрюмого, отстраненного, молчаливого. И вовсе он не звонил сегодня утром.

За тот час, что представители приюта провели в доме, Фергюссен почти ничего не говорил. А когда они с мисс Фарли уходили, он протянул руку Бет, и у нее затрепетало сердце.

– Рад был повидаться, Хармон, – сказал он.

Бет пожала его ладонь. Ей вдруг очень захотелось, чтобы он остался.

* * *

Через несколько дней, в субботу, миссис Уитли повезла ее в центр города закупаться одеждой. Когда автобус остановился на углу рядом с домом, Бет без колебаний ступила на подножку, хотя раньше на автобусах никогда в жизни не ездила. Стояла теплая осень, и девочка

чувствовала себя некомфортно в шерстяной юбке, поэтому с нетерпением ждала, когда ей купят новую. По дороге она считала кварталы до центра города.

Они сошли на семнадцатой остановке. Миссис Уитли взяла ее за руку, хотя в этом не было никакой необходимости, и повела по заполненному суетливой деловой толпой тротуару к вертящейся двери под вывеской «Универмаг Бена Снайдера». Было десять утра, и переходы внутри кишмя кишели женщинами с хозяйственными сумками всех форм и размеров. Миссис Уитли прокладывала путь с уверенностью профессионала; Бет следовала за ней.

Вместо того чтобы сразу направиться в отдел одежды, миссис Уитли потащила ее по широкой лестнице на подземный этаж и двадцать минут провела у прилавка с табличкой «Обеденные салфетки. Брак». Перебрала целый ворох разноцветных тряпок, несколько десятков отвергла, отложила шесть голубых. Бет наблюдала, как миссис Уитли завороченно и сосредоточенно, методом проб и ошибок, складывает стопочку, предназначенную к покупке. А потом та решила, что салфетки ей вообще не нужны. Они перешли к прилавку с табличкой «Уцененные книги». Миссис Уитли прочитала все названия в нагромождении книг по тридцать девять центов, некоторые повытаскивала, перелистала, но ни одной не купила.

В конце концов они добрались до эскалатора на первый этаж, остановились там у парфюмерного прилавка, и миссис Уитли побрызгала одно запястье «Ночью в Париже», другое – «Изумрудом».

– Ну вот, милая, теперь можно подняться на четвертый, – сказала она наконец и улыбнулась Бет: – В отдел «Готовое платье для юных леди»!

Между третьим и четвертым этажами Бет, обернувшись, увидела вывеску «КНИГИ И ИГРЫ», а прямо под ней, в застекленной витрине, лежали три шахматных набора.

– Шахматы! – сказала она и подергала миссис Уитли за рукав.

– Что? – недовольно взглянула та на нее.

– Там продаются шахматные доски с фигурами, – пояснила Бет. – Давайте вернемся.

– Не кричи так, – поморщилась миссис Уитли. – Зайдем туда на обратном пути.

Но они не зашли. До самого полудня миссис Уитли заставляла Бет примерять разные пальто с надписью «Уцененный товар» на бирках и вертеться перед ней во все стороны, чтобы она могла «рассмотреть крой», и подходить поближе к окну, чтобы «увидеть, как выглядит ткань при естественном освещении». В конце концов она сама выбрала и купила одно, а затем настояла на том, чтобы спуститься к выходу на лифте.

– А за шахматным набором мы не зайдем? – спросила Бет, но миссис Уитли не ответила.

Бет запарилась, вспотела, и у нее уже болели ноги. Пальто, которое она сейчас несла в картонной коробке, ей не понравилось. Оно было такого же блекло-голубого цвета, как вездесущий кардиган миссис Уитли, и плохо на ней сидело. Бет мало что понимала в одежде, но даже ей было ясно, что в этом универмаге продается дешевый ширпотреб.

Когда лифт остановился на третьем этаже, Бет собралась было напомнить еще раз про шахматы, но дверцы сразу закрылись, и лифт пошел на первый. На улице миссис Уитли снова взяла Бет за руку и повела ее к автобусной остановке, по дороге жалуясь на то, что сейчас, дескать, трудно найти в продаже что-нибудь приличное.

– Но мы же все-таки купили то, за чем приехали, – глубокомысленно подытожила она, когда из-за угла показался автобус.

На следующей неделе учитель английского запаздывал на урок, и Бет слушала, как за партой позади нее болтают две девочки.

– Ты купила эти туфли в «Бене Снайdere»? – спросила одна.

– В «Бене Снайdere»? Да я туда ни ногой! – засмеялась вторая.

* * *

Бет каждое утро ходила в школу по тенистым улочкам с сонными домами и деревьями на лужайках. Той же дорогой ходили и другие ученики – некоторых из них Бет знала, но всегда шла в одиночестве. В школу ее записали через две недели после начала осеннего семестра, и через месяц уже начались промежуточные экзамены. Во вторник утром у нее никаких тестов не было, и предполагалось, что она проведет это время в классе, но Бет села в автобус и поехала в центр города, прихватив с собой блокнот и сорок центов, сэкономленные из карманных денег. Она держала мелочь наготове, садясь в автобус.

Шахматные наборы были на том же месте, лежали в витрине, но подойдя поближе, Бет обнаружила, что они очень низкого качества. Белый ферзь оказался на удивление легким. Бет перевернула фигуру – она была полая и сделана из пластмассы. Бет как раз ставила фигуру назад, когда к ней подошла продавщица и спросила:

– Могу я тебе чем-нибудь помочь?

– У вас есть «Современные шахматные дебюты»?

– У нас есть шахматы, шашки и нарды, – сказала женщина, – и большой ассортимент детских настольных игр.

– Я про книгу говорю, – пояснила Бет. – Это книга о шахматах.

– Книжный отдел напротив.

Бет вошла в лавку с книжными полками и принялась изучать названия – ничего о шахматах там не было, и продавца, у которого можно было бы спросить, тоже не наблюдалось. Она вернулась к женщине за прилавком с играми и долго ждала, пока та не соизволила обратить на нее внимание.

– Я ищу книгу о шахматах, – сказала Бет.

– Мы тут книги не продаем, – отрезала женщина и уже хотела отвернуться, но Бет поспешно спросила:

– А книжный магазин тут поблизости есть?

– Сходи в «Моррис». – Продавщица отошла к целому штабелю коробок и начала их подравнивать.

– А где это?

Женщина молчала.

– Где находится книжный магазин «Моррис», мэм? – громко спросила Бет.

Женщина обернулась и сердито уставилась на нее, но все-таки ответила:

– На Аппер-стрит.

– А где эта Аппер-стрит?

На секунду Бет показалось, что женщина сейчас взвывает от ярости, но затем ее лицо расслабилось, и она сказала:

– В двух кварталах от Мейн-стрит.

Бет на эскалаторе спустилась к выходу.

* * *

«Моррис» стоял на углу, рядом с аптекой. Бет толкнула дверь и оказалась в большом помещении, набитом книгами – такого их количества она никогда в жизни не видела. На табурете за конторкой сидел лысый человек, курил сигарету и читал. Бет направилась прямо к нему и спросила:

– У вас есть «Современные шахматные дебюты»?

Человек, оторвавшись от томика в руках, устремил на нее взгляд поверх очков.

– Вот это вопрос, – произнес он приятным голосом.

– Есть или нет?

– Кажется, есть. – Он встал с табуретки, зашагал в глубь магазина, а минуту спустя вернулся к Бет и принес книгу – точно такую же, как у нее была, в таком же красном переплете. Бет на секунду задержала дыхание, увидев ее.

– Вот, прошу, – сказал продавец, протягивая книгу.

Бет взяла ее и открыла на сицилианской защите. Чудесно было снова прочитать знакомые названия – вариант Дракона, вариант Левенфиша, вариант Найдорфа... Они звучали в голове, как заклинания, как имена святых.

Прошло какое-то время, прежде чем она услышала, что продавец о чем-то ей говорит.

– Ты всерьез увлекаешься шахматами? – донесся до нее вопрос.

– Да, – сказала Бет.

Он улыбнулся:

– Я думал, эта книга написана для гроссмейстеров.

Бет помедлила, но все-таки спросила:

– Кто такие гроссмейстеры?

– Гениальные игроки, – сказал лысый человек. – Такие, как Капабланка, но его времена давно прошли. В наши дни блистают другие шахматисты, я не знаю их имен.

Она никогда не встречала никого похожего на этого мужчину – он держался непринужденно и говорил с ней, как со взрослой. Ближе всего к нему был, наверное, Фергюссен, но тот все-таки вел себя более официально.

– Сколько стоит эта книга? – спросила она.

– Довольно дорого. Пять долларов девяносто пять центов.

Бет ожидала и боялась услышать нечто подобное. После сегодняшней второй поездки на автобусе у нее останется десять центов. Она протянула книгу продавцу:

– Спасибо. Я не могу себе это позволить.

– Очень жаль, – сказал он. – Положи ее на прилавок.

Бет положила.

– У вас есть другие книги о шахматах?

– Конечно. Там указатель «Игры и спорт». Иди посмотри.

В глубине магазина оказалась целая полка с названиями «Пол Морфи и золотой век шахмат», «Выигрышные шахматные ловушки», «Как улучшить свои навыки игры в шахматы», «Усовершенствованная шахматная стратегия». Бет взяла книгу «Атака и контратака в шахматах», начала читать партии и представлять их в голове, не глядя на диаграммы. Она долго стояла у стеллажа – приходили и уходили покупатели, но ее никто не тревожил. Бет читала одну запись партии за другой, порой удивляясь головокружительным ходам – жертве ферзя или «спёртому мату». В книге было шестьдесят партий, и все с заголовками вверху страницы, например: «В. Смыслов – И. Рудаковский. Москва, 1945» или «А. Рубинштейн – О. Дурас. Вена, 1908». В этой, венской, партии белые провели пешку в ферзи на тридцать шестом ходу, угрожая черным вскрытым шахом.

Бет осмотрела переплет. Книга была меньше «Современных шахматных дебютов», а на стикере, прилепленном к задней крышке, стояла цена: \$2.95. Она принялась читать с самого начала. Стрелки часов на стене книжного магазина показывали половину одиннадцатого – через час ей нужно будет уйти, чтобы успеть добраться до школы к началу экзамена по истории. Продавец, снова усевшийся на табуретку, не обращал на Бет внимания – он был поглощен той книжкой, которую сам читал. Бет сосредоточилась и к одиннадцати тридцати выучила наизусть двенадцать партий.

В автобусе по пути в школу она мысленно разыгрывала эти партии. В отдельных ходах – не в таких захватывающих, как жертва ферзя, а в каком-нибудь простом продвижении пешки

на одно поле, – ей открывались бездны коварства, от которых тоненькие волоски на шее вставали дыбом.

Бет опоздала на пять минут, но никого, похоже, это не волновало, к тому же экзаменационную работу она сдала раньше всех. Оставалось еще двадцать минут, и до конца экзамена она мысленно воспроизводила партию «П. Керес – А. Тарновский. Хельсинки, 1952». Это был дебют Руи Лопеса, и белые делали ход слоном, который, как она поняла, означал косвенное нападение на черную королевскую пешку. На тридцать пятом ходу белые вывели ладью на седьмое поле коня самым неожиданным и поразительным образом, так что Бет чуть не завопила от восторга, сидя за партой.

* * *

В Фэрфилдской средней школе были разные клубы по интересам; встречам их участников уделялся час после уроков, а по пятницам школьники иногда устраивали клубные посиделки вместо общих собраний с классным руководителем. Клубы «Яблочный пирог», «Мы почти выпускницы», «Городские девчонки» походили на «сестринства» – женские объединения в колледжах, – и чтобы вступить в них, нужно было поручительство кого-то из участниц. Девочки из «Яблочного пирога» учились в восьмом и девятом классах; почти все они ходили в ярких кашемировых пуловерах, в гольфах с ромбами и двухцветных кожаных полуботинках-«оксфордах» с потертостями по тогдашней моде. Некоторые из них жили за городом, на фермах, и их родители владели лошадьми. Чистокровными. Когда таких девочек встречаешь в школьных коридорах, они на тебя и не смотрят. Они всегда улыбаются кому-то другому. Пуловеры у них были ярко-желтых, аквамариновых и пастельно-зеленых оттенков. Гольфы доходили до колен и связаны были из стопроцентно натуральной английской шерсти.

Порой, глядя на себя в зеркало в девчачьем туалете во время переменок, Бет видела свои прямые каштановые волосы, узкие плечи, круглое лицо с тусклыми карими глазами, веснушки на носу – и у нее во рту появлялся знакомый уксусный привкус. Девочки, состоявшие в клубах, пользовались помадой и тенями для век; Бет никогда не делала макияж и по-прежнему носила традиционную приютскую челку. Ни самой Бет, ни кому бы то ни было другому и в голову не приходило, что ей можно дать поручительство для вступления в клуб.

* * *

– На этой неделе, – начала миссис Макартур, – мы начнем изучать двучленные уравнения. Кто-нибудь знает, что такое двучлен?

Бет, сидевшая в последнем ряду, подняла руку. Она сделала это впервые.

– Да? – кивнула миссис Макартур.

Бет встала, внезапно оробев.

– Двучлен, или бином, – это алгебраическое выражение, содержащее два слагаемых. – Они это проходили в «Метуэне» в прошлом году. – «Икс плюс игрек» – это двучлен.

– Очень хорошо, – сказала миссис Макартур.

За партой перед Бет сидела девочка по имени Маргарет; у нее были блестящие светлые волосы и роскошный бледно-лавандовый кашемировый свитер. Когда Бет села на место, блондинка слегка повернула голову в ее сторону и прошептала:

– Ну ты мудрила! Фу!

* * *

По школьным коридорам Бет бродила в одиночестве, и едва ли ей приходило на ум, что может быть по-другому. Большинство девочек держались парочками или троицами, но Бет всегда оставалась одна.

Однажды после уроков на обратном пути из библиотеки она услышала долетевший изда- лека смех и обернулась – в конце вестибюля, залитая солнечным светом из окна, стояла к ней спиной высокая чернокожая девочка. Рядом, у фонтанчика, были еще две девочки, пониже, – смотрели, как она хохочет. Лиц было не разглядеть, а свет прямо за ними слепил Бет. Высокая девочка повернулась в профиль, и у Бет чуть не остановилось сердце – до того знакомым ей показался наклон головы. Бет сделала десяток торопливых шагов по направлению к ней.

Но это была не Джолин. Бет резко остановилась и развернулась в другую сторону. Три девочки отошли от фонтанчика и громко хлопнули входной дверью, а Бет долго еще стояла там, глядя им вслед.

* * *

– Не могла бы ты сбежать к Брэдли за сигаретами? – спросила миссис Уитли. – Я, кажется, простудилась.

– Да, мэм, – сказала Бет.

Был субботний вечер, она сидела, открыв на коленях новый роман, но не читала – в ее воображении шла шахматная партия между П. Морфи¹⁶ и кем-то обозначенным попросту «гроссмейстер». Восемнадцатый ход Морфи – конь на пятое поле слона – показался Бет странным. Это была неплохая атака, но она подумала, что Морфи мог бы действовать более эффективно – ферзевой ладьей.

– Я напишу записку, а то Брэдли не продаст тебе сигареты по малолетству.

– Да, мэм, – отозвалась Бет.

– Три пачки «Честерфилда».

– Да, мэм.

До этого в лавке мистера Брэдли она была всего один раз, вместе с миссис Уитли. Та вручила ей листочек с обращением к владельцу, набросанным карандашом, и один доллар двадцать центов. Записку Бет сразу выложила на прилавок. У нее за спиной стоял длинный стеллаж с журналами; заплатив за сигареты, она обернулась и принялась рассматривать обложки. На выпусках «Времени» и «Новостей недели» были портреты сенатора Кеннеди – он баллотировался в президенты, но вряд ли имел шансы победить на выборах, поскольку был католиком. Еще там оказалась целая полка женских журналов, и на их обложках красовались лица, как у Маргарет, и у Сью-Энн, и у других девочек из «Яблочного пирога»; волосы у всех блестели, полные губы алели помадой.

Бет уже собралась уходить, но краем глаза заметила кое-что интересное – в правом углу на самой нижней полке с журналами, посвященными искусству фотографии, летнему отдыху и хобби, лежал один с шахматной доской на обложке. Она подошла поближе и взяла журнал с полки. На обложке было название «Шахматное обозрение» и ценник. Бет открыла журнал. Там было множество шахматных партий и фотографий людей, играющих в шахматы. Одна статья называлась «Королевский гамбит: новый взгляд», другая – «Блистательные победы Морфи». Партию Морфи она только что разыгрывала в голове! У Бет сильнее заколотилось сердце. Она

¹⁶ Пол Морфи (1837–1884) – американский шахматист, считавшийся в середине XIX века сильнейшим в мире; Михаил Ботвинник называл его гениальным.

перелистала страницы дальше, нашла статью о шахматах в СССР, но главное, что бросилось ей в глаза, – это слово «турнир». Целый раздел назывался «Турнирная жизнь». Бет даже не подозревала, что проводятся соревнования по шахматам. Она думала, это просто увлечение: одни играют в шахматы, другие, как миссис Уитли, вяжут коврики, третьи складывают пазлы.

– Эй, юная леди, – окликнул ее мистер Брэдли. – Либо покупай журнал, либо положи его на место.

Бет с удивлением обернулась:

– А нельзя просто...

– Прочитай объявление.

Оказалось, к стеллажу с журналами прямо перед ней прикреплен лист бумаги, и на нем написано от руки: «ХОЧЕШЬ ЧИТАТЬ – ПОКУПАЙ». У Бет было всего пятнадцать центов. Несколько дней назад миссис Уитли сказала, что какое-то время ей надо будет обходиться без карманных денег – у них проблемы с финансами, а мистер Уитли задерживается в командировке на западе страны. Бет положила журнал на полку и вышла из лавки.

Пройдя полквартала, она остановилась, поразмыслила минутку и вернулась обратно. На прилавке, у локтя мистера Брэдли, высилась стопка газет. Бет протянула ему дайм¹⁷, взяв одну газету. Мистер Брэдли переключился на даму, которая пришла покупать лекарства по рецептам, а Бет отошла к дальнему концу стеллажа с журналами, держа газету под мышкой, и принялась ждать.

Через пару минут мистер Брэдли сказал даме: «У нас они трех видов», – и зашагал в дальний конец лавки, позвав покупательницу за собой. Бет тотчас схватила экземпляр «Шахматного обозрения» и сунула его в сложенную пополам газету.

На улице, под ярким солнцем, она прошла целый квартал с газетой под мышкой. За первым поворотом остановилась, вытащила журнал, примостила его за поясом юбки и сверху натянула бледно-голубой пуловер из переработанной шерсти, купленный в «Бене Снайдере». Расправила пуловер и бросила газету в урну на углу.

По дороге домой, с невидимым журналом, надежно прижатым к плоскому животу, она опять задумалась о том ходе ладьей, который мог сделать, но не сделал Морфи. В статье о нем говорилось, что Морфи был «возможно, самым блистательным игроком в истории шахмат». Ладья могла бы занять седьмое поле слона, и черные не стали бы сбивать ее конем, иначе... Бет замерла посреди квартала. Где-то лаяла собака; на другой стороне улицы два маленьких мальчика шумно играли в салки на аккуратно подстриженной лужайке. После хода второй пешкой на пятое поле королевского коня уцелевшая ладья может отступить, и если черные возьмут белую пешку, слон останется без прикрытия, а если не возьмут...

Бет закрыла глаза. Если черные не возьмут пешку, Морфи поставит мат в два хода, на первом пожертвовав слона и объявив шах. Если же черные *возьмут* пешку, вперед двинется еще одна белая пешка, а слон пойдет в другую сторону, и черные уже ничего не сумеют сделать. *Вот оно.* Один из двух мальчиков на лужайке разревелся. *Черные ничего не смогли бы сделать.* Игра бы закончилась максимум на двадцать девятом ходу. Согласно записи этой партии в книге, Полу Морфи понадобилось тридцать шесть, чтобы одержать победу. Он не заметил возможностей ладьи. *А она заметила.*

В чистейшем синем небе над головой сияло солнце. Собака лаяла не умолкая. Мальчики ревели уже вдвоем. Бет медленно шла домой, воспроизводя в голове ту же шахматную партию. Ее ум был ясен и прозрачен, как ослепительный, совершенный бриллиант.

¹⁷ Дайм – монета в 10 центов.

* * *

– Олстон должен был вернуться неделю назад, – сказала миссис Уитли. Она полулежала в кровати с журналом кроссвордов и головоломок в руках; перед ней на комодке работал маленький телевизор с выключенным звуком. Бет только что принесла ей чашку растворимого кофе с кухни. На миссис Уитли был розовый халатик, а лицо она густо напудрила.

– Его долго еще не будет? – спросила Бет, хотя завязывать беседу у нее не было никакого желания – не терпелось вернуться к «Шахматному обозрению».

– Олстона безбожно задерживают, – вздохнула миссис Уитли.

Бет кивнула и сказала:

– Я хочу найти работу. После уроков.

Миссис Уитли растерянно заморгала:

– Работу?

– Ну, я могу подрабатывать в магазине или мыть где-нибудь посуду.

Миссис Уитли долго молча смотрела на нее.

– В тринадцать лет? – наконец выговорила она. Затем осторожно поднесла к носу платок и высморкалась. – Мне казалось, тебя тут неплохо кормят.

– Я хочу зарабатывать деньги.

– На одежду, я так понимаю?

Бет ничего не ответила.

– В твоём возрасте работают только цветные девочки.

То, как миссис Уитли произнесла слово «цветные», лишило Бет стремления разговаривать с ней на эту тему.

Вступительный взнос в Шахматную федерацию Соединенных Штатов составлял шесть долларов. Еще четыре доллара стоила подписка на журнал «Шахматное обозрение». Деньги требовались и на кое-что поинтереснее: в разделе «Турнирная жизнь» было перечислено несколько городов – по одному в Огайо, Иллинойсе, Теннесси и Кентукки, а в рамке под ними говорилось следующее: «Чемпионат штата Кентукки, уик-энд после Дня благодарения (пт., сб., вс.), актовый зал Старшей школы имени Генри Клея, Лексингтон», а еще ниже: «Призовой фонд – \$185. Вступительный взнос – \$5.00. Только для членов ШФСШ».

Получалось, нужно заплатить шесть долларов за членство в федерации и еще пять за участие в турнире. Мимо Старшей школы имени Генри Клея Бет проезжала на автобусе, который ходил по Мейн-стрит. Школа была в одиннадцати кварталах от Джанвелл-драйв. А до Дня благодарения оставалось шесть недель.

* * *

– Кто-нибудь может точно сформулировать теорему? – спросила миссис Макартур.

Бет подняла руку.

– Бет?

Она встала из-за парты:

– В прямоугольном треугольнике квадрат гипотенузы равен сумме квадратов катетов. – И села на место.

Маргарет, хихикнув, наклонилась к Гордону, который сидел впереди и периодически брал ее за руку под партой.

– Видал мудрилу? – прошептала Маргарет нежным девичьим голоском, полным презрения.

Гордон засмеялся. Бет посмотрела в окно на осенние листья.

* * *

– Не понимаю, куда деваются деньги! – сказала миссис Уитли. – В этом месяце я потратила ничтожную малость, а мои запасы уменьшились в десять раз. В десять! – Она плюхнулась в обитое английским ситцем кресло и уставилась в потолок широко раскрытыми глазами, будто ждала, что на нее сейчас упадет лезвие гильотины. – Я оплатила счет за электричество, счет за телефон, выбирала самые простые продукты, отказала себе в сливках к утреннему кофе, вообще ничего не покупала для себя, не ходила в кино, не была на благотворительном базаре в Первой методистской церкви – и у меня осталось семь долларов, хотя должно быть по меньшей мере двадцать! – Она бросила на столик перед собой скомканные долларовые бумажки, которые несколько минут назад выудила из кошелька. – Вот это все, что у нас есть до конца октября. Едва хватит на куриные шейки и овсянку.

– Разве «Метуэн-Хоум» не прислал вам чек? – спросила Бет.

Миссис Уитли оторвала взгляд от потолка и воззрилась на нее. А затем произнесла ровным голосом:

– За первый год. Можно подумать, от той суммы что-то осталось после расходов на твоё содержание.

Бет знала, что это неправда. Чек был на семьдесят долларов – так много миссис Уитли на нее точно не потратила.

– Чтобы более или менее сносно дожить до первого числа, нам нужно двадцать долларов, – сказала миссис Уитли. – А у меня на тринадцать меньше. – Она перевела было взгляд на потолок, но тут же снова вперила его в Бет. – Надо было тщательно записывать все траты.

– Может, дело в инфляции? – не без оснований сказала Бет. Она позаимствовала всего шесть долларов – на членство в Шахматной федерации.

– Может быть, – протянула миссис Уитли, слегка смягчившись.

Бет не хватало пяти долларов на взнос за участие в турнире. В классе на продленке, за день до выступления миссис Уитли на тему финансов, она вырвала из тетради лист и написала мистеру Шейбелу, уборщику, на адрес «Метуэн-Хоум», Маунт-Стерлинг, Кентукки. Вот что в нем было:

Дорогой мистер Шейбел.

Здесь будет шахматный турнир с первым призом 100 долларов и вторым – 50. Другие призы тоже предусмотрены. Регистрационный взнос – 5 долларов, а у меня их нет.

Если вы пришлете мне эти деньги, я верну вам 10 долларов при условии, что выиграю какой-нибудь приз.

Искренне ваша,
Элизабет Хармон.

На следующее утро она нашла конверт и марку в набитом всякой всячиной письменном столе в гостиной, пока миссис Уитли еще не встала с постели, а потом бросила послание в почтовый ящик по дороге в школу.

В ноябре Бет взяла из кошелька миссис Уитли еще один доллар. Со дня отправки письма мистеру Шейбелу прошла неделя, а ответа всё не было. На часть позаимствованных денег Бет купила свежий выпуск «Шахматного обозрения». Там оказалось множество партий, позволивших ей усовершенствовать навыки в игре. В одной из этих партий победу одержал молодой гроссмейстер по имени Бенни Уоттс. Бенни Уоттс был чемпионом Соединенных Штатов.

* * *

Миссис Уитли простужалась как-то слишком уж часто.

– У меня предрасположенность к вирусам, – сказала она в очередной раз. – Или у них ко мне. – И протянула Бет рецепт, по которому нужно было получить лекарства в лавке Брэдли, а заодно один дайм ей на лимонад.

Мистер Брэдли странно посмотрел на Бет, когда та вошла, но ничего не сказал. Получив рецепт, он отправился в глубь магазина, а Бет тем временем старалась держаться подальше от стеллажа с журналами – месяц назад она взяла здесь еще один выпуск «Шахматного обозрения», хотя тот был в единственном экземпляре, так что мистер Брэдли вполне мог это заметить.

Он вернулся с пластмассовым пузырьком – на этикетке был напечатан какой-то текст, – и поставил его на прилавок. Пока мистер Брэдли расправлял белый бумажный пакет, Бет во все глаза смотрела на пузырек. В нем лежали продолговатые ярко-зеленые пилюли.

* * *

– Это мое успокоительное, – пояснила миссис Уитли. – Макэндриус решил, что мне нельзя нервничать.

– Кто такой Макэндриус? – спросила Бет.

– Доктор Макэндриус, – сказала миссис Уитли, откручивая у пузырька крышку. – Мой врач. – Она достала две таблетки. – Принесешь мне стакан воды, дорогая?

– Да, мэм.

Когда Бет пошла за водой в ванную, миссис Уитли вздохнула и пробормотала:

– И почему они заполняют эти пузырьки всего лишь наполовину?

* * *

В ноябрьском выпуске были двадцать две партии, сыгранные на шахматном турнире в Москве. Фамилии участников – Ботвинник, Петросян, Лаев – звучали, как имена сказочных персонажей. Двое из них на фотографии склонились над доской; у обоих были темные волосы, сурово сжатые губы и черные костюмы. На дальнем плане за шахматистами, не в фокусе, были запечатлены зрители – огромная аудитория.

В полуфинальной партии между Петросяном и неким Бенковичем Бет заметила неверное решение, принятое Петросяном, – он начал пешечную атаку, а этого делать не следовало. В описании партии был приведен комментарий какого-то американского гроссмейстера, который считал, что ходы пешками хорошо продуманы шахматистом, но Бет смотрела глубже. Как мог Петросян так ошибиться? И почему американец не разглядел, в чем была слабость его позиции? У шахматистов хватало времени, чтобы поразмыслить над положением на доске – в журнале написали, что партия продолжалась целых пять часов.

* * *

В раздевалке спортзала Маргарет повесила на дверцу своего шкафчика кодовый замок, но не покрутила колесико с цифрами. Сейчас девочки стояли рядом под душем, так что Бет видела грудь Маргарет – приличного размера, похожую на два внушительных конуса. У самой Бет грудь все еще была как у мальчишки, а волосы на лобке только-только начали расти. Маргарет на нее не обращала внимания – что-то мурлыкала себе под нос, старательно намыливая

ясь. Бет вышла из своей кабинки и закуталась в полотенце. Мокрая, вернулась в комнату, где стояли школьные шкафчики для вещей. Кроме нее, никого там не оказалось.

Бет наскоро вытерла руки, осторожно вытащила замок из зашпин на шкафчике Маргарет и положила его на полотенце. С волос на руки капала вода, но это не имело значения – из мальчишеской раздевалки уже натекло столько воды, что повсюду были лужи. Бет осторожно открыла дверцу шкафчика – медленно, чтобы не заскрипела. Сердце колотилось так, будто у нее в груди была клетка, а в клетке метался маленький зверек и не мог вырваться.

В шкафчике лежала красивая дамская сумочка из натуральной кожи. Бет еще раз вытерла руки и достала его с полки, чутко прислушиваясь к звукам из девчачьей душевой – пока до нее доносились только смешки и визг, ничего больше. Ей удалось первой добраться до душевой из спортзала и занять кабинку рядом с дверью, а потом раньше всех незаметно выскользнуть оттуда. Остальные еще и не думали возвращаться в раздевалку. Она открыла сумочку.

Внутри обнаружились красочные почтовые открытки, совсем новая помада, черепаховый гребень для волос и льняной носовой платок, очень изящный. Бет запустила внутрь правую руку, порылась под этими вещами, нащупала на самом дне зажим для банкнот и достала его. В зажиме были две пятидолларовые бумажки. Бет поколебалась мгновение и взяла обе, вместе с зажимом. Сумку положила назад и повесила замок на дверцу шкафчика.

Свой шкафчик она тоже не запирала, только прикрыла дверцу, так что теперь быстро распахнула ее и засунула зажим с пятидолларовыми купюрами между страниц учебника алгебры. Затем заперла дверцу на замок, вернулась в душевую и мылась до тех пор, пока оттуда не ушли все девочки.

Когда никого не осталось и в раздевалке, Бет еще не закончила одеваться. Маргарет так и не открыла свою сумочку, и Бет наконец перевела дух, вздохнув глубоко, как миссис Уитли. Сердце по-прежнему тяжело бухало. Она сняла зажим с банкнот и подбросила его под ящичек Маргарет – как будто он просто выпал из ее сумочки и деньги мог забрать кто угодно. Банкноты она сложила и засунула себе в ботинок. После этого достала с полки собственную сумку – обычную, из голубого пластика, – открыла ее и запустила пальцы в кармашек для зеркала. Достала оттуда две зеленые таблетки, закинула их в рот, подошла к раковине и проглотила таблетки, запив их водой из бумажного стаканчика.

На ужин в тот вечер были спагетти с фрикадельками из консервной банки и фруктовое желе на десерт. После ужина Бет взялась мыть посуду, а миссис Уитли удалилась в гостиную, включила там телевизор и вдруг воскликнула:

– Ох, совсем забыла!

На пороге кухни она появилась через минуту с конвертом в руке; Бет как раз отскребала кастрюлю от спагетти.

– Это тебе прислали, – сказала миссис Уитли и пошла смотреть «Репортаж Хантли и Бринкли»¹⁸.

Адрес на грязном конверте был написан карандашом. Бет вытерла руки и вскрыла конверт. Внутри лежали пять однодолларовых купюр; никакого письма не было.

Девочка долго еще стояла возле раковины с купюрами в руках.

* * *

Зеленые таблетки продавались в пузырьках по пятьдесят штук за четыре доллара. Этикетка гласила: «До трех повторных наполнений». Бет заплатила четыремя однодолларовыми бумажками, поспешно прибежала домой и положила рецепт на место, в ящик стола миссис Уитли.

¹⁸ «Репортаж Хантли и Бринкли» – вечерняя новостная программа, выходившая в США с 1956 по 1970 г. на канале NBC.

Глава 4

У входа в спортзал стоял стол, а за ним сидели два человека в белых рубашках. Позади них виднелись длинные ряды других столов с бело-зелеными шахматными досками. В помещении было много людей – они разговаривали, некоторые уже играли в шахматы. Бет заметила всего одну женщину; большинство среди мужчин составляли мальчики или молодые мужчины, и все были белыми. Рядом с администратором в белой рубашке, с тем, что слева, на столе стояла табличка со словами «РЕГИСТРАЦИОННЫЙ ВЗНОС». Бет подошла к нему и протянула пять долларов.

– У тебя есть шахматные часы? – спросил он.

– Нет.

– Мы выдаем их напрокат. Если у твоего противника тоже не окажется часов, возвращайся ко мне. Турнир начнется через двадцать минут. Какой у тебя рейтинг?

– Нет никакого.

– А ты уже когда-нибудь участвовала в турнирах?

– Нет.

Человек кивнул на деньги в руке Бет:

– Уверена, что хочешь попробовать?

– Уверена.

– У нас нет женской группы.

Бет молча смотрела на него.

– Запишу тебя в группу для новичков, – вздохнул он.

– Нет, – сказала Бет. – Я не новичок.

Второй молодой человек в белой рубашке все это время слушал их разговор.

– Если у тебя нет рейтинга, ты автоматически попадаешь в группу новичков и тех, у кого коэффициент меньше тысячи шестисот, – сказал он.

О рейтингах писали в «Шахматном обозрении», но Бет читала не слишком внимательно, запомнила только, что у мастеров индивидуальный коэффициент силы 2200 и выше.

– Какой приз в группе новичков?

– Двадцатка.

– А в других группах?

– Первый приз в открытой группе – сто долларов.

– Правила запрещают мне играть в открытой группе?

Администратор покачал головой:

– Не то чтобы запрещают, но...

– Тогда запишите меня туда. – Бет снова протянула пять долларов.

Человек пожал плечами и дал ей бланк, который нужно было заполнить.

– Там три парня с рейтингами выше тысячи восьмисот, и может появиться сам Белтик – он чемпион штата. Эти ребята сожрут тебя живьем.

Бет взяла ручку и принялась заполнять бланк. Вписала имя, фамилию, адрес, в графе «Рейтинг» нарисовала жирный ноль и вернула бланк администратору.

Турнир начался с опозданием на двадцать минут – организаторам понадобилось время на то, чтобы подготовить список участников, разбитых на пары. Когда они начали вывешивать карточки игроков на доске, Бет поинтересовалась у стоявшего рядом мужчины, определяются ли пары игроков случайным образом.

– Вовсе нет, – отозвался тот. – В первом туре пары составляют в соответствии с рейтингами. Дальше победители играют с победителями, проигравшие – с проигравшими.

Наконец появилась и карточка Бет, там было написано: «Хармон – б/р¹⁹ – черные», и висела она рядом с другой: «Пекер – б/р – белые». Обе карточки находились под номером «27». Оказалось, они последние.

Бет направилась к шахматной доске номер двадцать семь и села со стороны черных фигур. Доска тоже была последней, на самом дальнем столе. За соседним ждала начала партии женщина лет тридцати. Через минуту вошли еще две: двадцатилетняя девушка и высокая неуклюжая старшекласница, соперница Бет.

Бет окинула взглядом многочисленные столы – шахматисты устраивались за ними, а некоторые уже начали партии; все были мужчинами, и почти все – молодыми. В турнире участвовали только четыре osoby женского пола – их посадили в дальнем конце спортзала, заставив играть друг против друга.

Соперница Бет неловко протиснулась за стол, поставила сбоку от доски часы с двумя циферблатами и протянула руку:

– Я Аннетт Пекер.

Ладонь у нее была широкая и влажная.

– Я Бет Хармон. А зачем в шахматах нужны часы?

Аннетт, похоже, испытала некоторое облегчение от того, что ей нужно поделиться знаниями.

– На циферблате, который ближе к тебе, отмеряется твое игровое время. У всех участников турнира есть девяносто минут. После каждого хода тебе нужно нажимать на кнопку наверху, тогда твои часы остановятся, а мои запустятся. На циферблатах над числом «двадцать», вот здесь, маленькие красные флажки. Они упадут, когда истекут девяносто минут. Если это случится, тебе засчитают поражение.

Бет кивнула. Девяносто минут, как ей казалось, – уйма времени, она еще никогда не тратила на шахматную партию больше двадцати. Рядом с каждым игроком лежал разлинованный лист бумаги для записи ходов.

– Теперь можешь запустить мои часы, – сказала Аннетт.

– Почему они всех девушек согнали в один угол? – спросила Бет.

Аннетт удивленно вскинула брови:

– Не думаю, что нарочно. В любом случае, если ты выиграешь, тебя пересадят за другую доску.

Бет нажала на кнопку над своим циферблатом, и часы Аннетт затикали. Старшекласница нервно взяла королевскую пешку, поставила ее на четвертое поле короля и вздохнула:

– Ох, тронул – ходи...

– Что это значит?

– Такое правило. Не трогай фигуру, пока не решила окончательно, сделать ход или нет. Если прикоснешься к какой-то фигуре, нужно ходить именно ей.

– Окей, – кивнула Бет. – Может, уже нажмешь на свою кнопку?

– Извини. – Аннетт нажала, запустив ее часы.

Бет недрогнувшей рукой взяла пешку ферзевого слона и поставила ее на четвертое поле. Это была сицилианская защита. Бет нажала на кнопку часов и поставила локти на стол, по углам доски, как русские шахматисты на фотографиях.

Атаку она начала на восьмом ходу, на десятом взяла у соперницы слона, на семнадцатом – ферзя. Аннетт еще даже не сделала рокировку. Глядя, как Бет забирает ее ферзя, она положила своего короля набок и сказала:

– Как быстро, – и в ее голосе звучало облегчение от того, что она проиграла.

¹⁹ Без рейтинга.

Бет посмотрела на циферблаты: старшеклассница потратила тридцать минут, а ей самой хватило семи. Ждать, пока Аннетт решится сделать ход, было труднее всего.

Следующий тур должен был начаться после одиннадцати. Бет записала партию с Аннетт на разлинованном листе, обвела в кружок свою фамилию, обозначив победу, направилась к столу администраторов и положила листок в корзину с наклейкой «ПОБЕДИТЕЛИ». Этот листок оказался там первым. Вслед за Бет к корзине подошел молодой человек, по виду студент колледжа, и тоже положил свой бланк. Бет уже заметила, что большинство людей здесь выглядят крайне непривлекательно: у многих засаленные волосы и плохая кожа, некоторые толстые и кажутся неврастениками. Но этот парень был высокий и стройный, с красивым открытым лицом. Он дружелюбно кивнул Бет – мол, мы с тобой справились быстрее всех, – и она кивнула в ответ.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.